

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 » съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
 » съ пересылкою . . . 15 р.
 Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
 А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ II. № 39.
 20 СЕНТЯБРЯ 1869 г.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ еже-
 недѣльно въ форматѣ большого двойного листа въ 16
 страницъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦИИ

ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

[ГЕРМАНА ГОППЕ] находится въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 НА БОЛЬНОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, въ домѣ
 ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика.—Внутреннія извѣстія.—Второй сѣздъ русскихъ естествоиспытателей: академикъ К. М. Бэръ, старѣйшій изъ русскихъ испы-
 тателей природы.—Нѣсколько словъ о Царскосельскихъ скачкахъ.—Сраженіе при Педра-Буэна, между карлистами и правительственными испанскими войсками.—Провозглашеніе республики
 среди цвѣтнаго населенія острова Кубы.—«Судьба!» Повѣсть (Продолженіе).—Народные праздники 26 и 30 августа.—Московскіе дачи и дачники. II.—Очерки Крыма (Окончаніе).—
 Смерть Люкаса, укротителя звѣрей.—Памятникъ Екатерины Великой.—Академикъ М. А. Зичи (Окончаніе).—Островъ св. Елены. (Продолженіе).—Новости наукъ и цивилизаціи.—Шах-
 матная задача № 30.—Партія № 13.—Почтовый ящикъ.—Револьверъ Галанда.—Объявленія.

РИСУНКИ: Академикъ К. М. Бэръ.—Царскосельскія скачки 1869 г.: 1) Начало скачки; 2) Реконенсъ, гнѣд. коб., принадлеж. г. Сону, взявшая призы императорскій и государ-
 ственный; 3) Конецъ скачки.—Испанія: Сраженіе при Педра-Буэна между карлистами и правительственными испанскими войсками.—Островъ Куба: Провозглашеніе республики среди цвѣт-
 наго населенія острова.—Народные праздники на Царицыномъ лугу, 26 и 30 августа.—Памятникъ Екатерины Великой, работы М. О. Микѣшина.—Выволочка соли изъ озера въ Крыму.—
 Парижъ: Трагическая смерть укротителя львовъ, Люкаса.—Археологія: 1) Казиміръ, король польскій; 2) Гробница короля Казиміра въ краковскомъ соборѣ; 3) Клейноды, найденные въ гробу
 короля Казиміра.—Вновь изобрѣтенный револьверъ Галанда.

Внутренняя и внѣшняя политика.

16 Сентября 1869 г.

Въ послѣдніе годы наше православное духовенство начало по немногу зани-
 мать видную и вліятель-
 ную роль въ общемъ мі-
 рѣ гражданской жизни,
 создаваемой реформами нынѣшняго
 царствованія. Лучшіе умы Россіи,
 каковы бы ни были ихъ личныя,
 внутреннія убѣжденія, поняли, что
 въ великомъ и святомъ дѣлѣ на-
 роднаго развитія въ нашемъ оте-
 чествѣ духовенство, силою ве-
 щей и преемственностію вѣко-
 выхъ преданій, призвано играть
 одну изъ главныхъ и наиболѣе
 вліятельныхъ ролей. Такое убѣж-
 деніе служить главною причиною,
 заставляющею наше общество го-
 рячо интересоваться всѣмъ, что
 касается до быта русскаго право-
 славнаго духовенства и до дви-
 женія умовъ въ этомъ сословіи,
 до сихъ поръ стоявшемъ совер-
 шенно въ сторонѣ отъ осталь-
 наго общества. Нѣкоторые изъ
 верховныхъ іерарховъ нашихъ,
 какъ напримѣръ, преосвященный
 Инокентій, митрополитъ москов-
 скій, преосвященный Платонъ,
 прежде епископъ рижскій, а нынѣ
 донской, преосвященный Ма-
 карій, епископъ виленскій, умѣ-
 ли уже пріобрѣсти себѣ громад-
 ную популярность и уваженіе
 русскаго общества за свой образъ
 дѣйствій, совершенно согласный
 съ лучшими стремленіями и на-
 деждами этого общества. Духо-
 венство наше понемногу пере-
 стаетъ быть изолированною сацер-
 дотальною кастою и становится

Академикъ К. М. Бэръ.

(Рисоваль К. Брожъ; гравироваль Л. А. Сѣряковъ).

дѣятельнымъ подвижникомъ на-
 шего общаго народнаго дѣла.

При такихъ обстоятельствахъ
 становится совершенно понят-
 нымъ интересъ, возбужденный въ
 публикѣ недавнимъ извѣстіемъ
 о созваніи новаго епархіальнаго
 сѣзда въ Петербургѣ. Это соз-
 ваніе было вызвано обстоятель-
 ствами, которыя, можетъ статся,
 будетъ нелишнимъ напомнить
 здѣсь читателямъ. Последній
 сѣздъ здѣшняго епархіальнаго
 духовенства, разсматривая раз-
 ные, подлежащія его обсужденію,
 вопросы, пришолъ къ убѣжде-
 нію, что въ С. Петербургской епар-
 хіи, по примѣру епархій вилен-
 ской и донской, желательно воз-
 становить выборное начало при
 назначеніи благочинныхъ и смо-
 трителей разныхъ духовныхъ уч-
 режденій. Выразивъ такое мнѣніе,
 сѣздъ разошолся, по всей вѣро-
 ятности, въ полной надеждѣ, что
 сдѣланныя имъ заявленія оста-
 нутся безъ послѣдствій. Прошло
 нѣсколько времени, какъ вдругъ
 члены бывшаго сѣзда узнали, до-
 вольно неожиданно для себя, о
 созваніи новаго сѣзда для вто-
 ричнаго разсмотрѣнія тѣхъ во-
 просовъ, которые, послѣ трудовъ
 перваго сѣзда, могли считаться
 окончательно разрѣшенными.

Выборы членовъ сѣзда пока-
 зали, что духовенство С. Петер-
 бургской епархіи, въ значитель-
 номъ большинствѣ, совершенно одо-
 бряетъ образъ дѣйствія своихъ
 прежнихъ уполномоченныхъ. По-
 чти всѣ они были избраны снова,
 и второй сѣздъ открылъ свои за-
 сѣданія, очевидно, при томъ же
 настроеніи, какъ и первый. Но на
 первомъ же засѣданіи, какъ мы

узнаемъ изъ ежедневныхъ газетъ, съѣзду пришлось убѣдиться, что его воззрѣнія не сходятся съ воззрѣніями епархіального начальства. Чтеніе резолюцій, положенныхъ этимъ начальствомъ на почтительныя предложенія перваго съѣзда, доказало это самымъ неоспоримымъ образомъ, въ особенности, по отношенію къ воззрѣніямъ съѣзда на выборное начало. Одна изъ такихъ резолюцій выражала довольно рѣзкое, хотя и несовѣтмъ прямое неодобреніе этихъ воззрѣній, высказанныхъ съ особенною энергією членомъ бывшаго и нынѣшняго съѣзда, протоіереемъ о. Никольскимъ. О. Никольскій, выслушавъ обращенное къ нему замѣчаніе, счолъ своимъ долгомъ напомнить, что все, сказанное имъ, было согласно съ правами, дарованными епархіальнымъ съѣздамъ и все собраніе, одобливъ это заявленіе, нашло, что о. Никольскій не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы вызвать полученное имъ строгое замѣчаніе. Мнѣніе свое съѣздъ просилъ своего предсѣдателя передать епархіальному начальству.

Отнюдь не позволяя себѣ произносить рѣшительнаго мнѣнія на счетъ вопроса, вызвавшего рассказанный нами вкратцѣ эпизодъ, мы не можемъ однакожъ не замѣтить, что образъ дѣйствій с.-петербургскаго епархіальнаго съѣзда вполне согласенъ съ тѣмъ, чего ожидала наша публика отъ своего православнаго духовенства, снова получившаго, наконецъ, возможность высказывать свое независимое мнѣніе о своихъ дѣлахъ. Убѣжденіе въ томъ, что выборное начало скорѣе всего способно поставить это духовенство на должную ему нравственную высоту и возратить должное вліяніе пастырямъ и учителямъ народа — живетъ въ каждомъ русскомъ чловѣкѣ, искренно желающемъ, чтобы наша гражданская жизнь основалась на прочномъ фундаментѣ православія, какъ лучшей охранѣ русской народности, и сочувствіе къ этому началу, высказанное многими іерархами нашей церкви, — еще болѣе утверждаетъ и поддерживает такое убѣжденіе. Слѣдуетъ отъ души желать, чтобы духовенство с.-петербургской епархіи получило возможность осуществить свои прекрасныя и плодотворныя стремленія. Во всякомъ случаѣ, оно можетъ быть увѣрено въ томъ, что наше свѣтское общество съ сочувствіемъ слѣдитъ за его усиліями, и что его нынѣшній образъ дѣйствія, каковъ бы ни былъ его непосредственный исходъ, значительно уменьшить разстояніе, еще остающееся до полнаго сліянія между интересами духовенства и остального общества.

Изъ Сѣверо-западнаго края, въ послѣдніе дни, приходятъ довольно странныя вѣсти. Такъ напри- мѣръ, ковенскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ, что на жмуди недавно появились какія-то польскія революціонныя прокламаціи, грозящія жмудскимъ крестьянамъ скорымъ отнятіемъ у нихъ большей части ихъ земельнаго надѣла, по распоряженію русскаго правительства. Подобное извѣстіе можно было бы счесть журнальною уткою, еслибъ одновременно съ нимъ «Московскія Вѣдомости» не сообщили о разныхъ попыткахъ, дѣлаемыхъ въ Сѣверо-западномъ краѣ съ цѣлью обойти нѣкоторыя статьи положенія 26-го марта, объявившаго, какъ извѣстно, безвозвратное совершившимся фактомъ надѣлъ тамошнихъ крестьянъ землею, въ томъ видѣ, какъ явился онъ послѣ трудовъ провѣрочныхъ комисій. Что подобныя попытки — если только онѣ дѣйствительно существуютъ — не удадутся, мы въ этомъ вполне увѣрены, но ихъ существованіе дѣлаетъ весьма вероятнымъ появленіе вышепомянутыхъ польскихъ воззваній. Польскіе революціонеры, какъ извѣстно, весьма расположены принимать свои надежды за осуществившіеся уже факты, и такая способность драгоцѣнна для насъ, потому что она сплошь и рядомъ разоблачаетъ, въ послѣднее время, сложныя интриги польщизны, всегда очень искусно задуманныя, но очень часто обнаруживающіяся прежде, чѣмъ слѣдовало бы, благодаря торопливости крамольниковъ и недремляющему вниманію русскаго общественнаго мнѣнія.

Переходя къ иностранной политикѣ, мы должны прежде всего занести въ нашу лѣтопись исходъ недавнихъ выборовъ въ Чехію. Извѣстно, что прежніе чешскіе депутаты не нашли возможнымъ участвовать въ засѣданіяхъ австрійскаго рейхсрата, находя, что начала дуализма, восторжествовавшаго въ Австріи — несовмѣстны съ правами чешской короны. Нынѣшніе выборы были назначены правительствомъ съ цѣлью попробовать, нельзя ли

добиться отъ Чехіи такихъ депутатовъ, которые окажутся сговорчивѣе прежнихъ, и для этого были пущены въ ходъ все избирательныя продѣлки, подкупы и даже устрасенія. Все это, однакожъ, не привело ровно ни къ чему. Чехи торжественно заявили, что они вполне одобряютъ дѣйствія своихъ прежнихъ депутатовъ. Депутаты эти все, за весьма немногими исключеніями, были избраны снова и при томъ по большей части единогласно. Такимъ образомъ и послѣ выборовъ, какъ до нихъ, австрійское правительство остается лицомъ къ лицу съ упорнымъ отстаиваніемъ чехами политическихъ правъ короны св. Вячеслава.

Во Франціи, едва опомнившейся отъ тревоги, причиненной ей болѣзнію императора Наполеона, возникаетъ нынѣ новое и весьма серьезное усложненіе. Оно вызвано непонятнымъ упорствомъ, съ которымъ французское правительство умалчиваетъ до сихъ поръ о своихъ намѣреніяхъ, касательно вторичнаго созванія законодательнаго корпуса. Собраніе это, какъ извѣстно, было распущено прежде, чѣмъ оно окончило провѣрку избранныхъ своихъ членовъ и слѣдовательно, прежде, чѣмъ оно получило законное значеніе законодательной палаты (avant qu'elle fut légalement constituée). Такимъ образомъ, по строгому смыслу конституціи, законодательный корпусъ, до сихъ поръ, еще не начиналъ своихъ законныхъ засѣданій, а между тѣмъ, по той же конституціи, правительство обязано созвать его не позже, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ окончанія выборовъ. Этотъ срокъ наступитъ 1-го (13) октября.

И вотъ, одинъ изъ оппозиціонныхъ (и при томъ умѣренно-оппозиціонныхъ) депутатовъ, графъ де Кератри, опираясь на букву постановленій конституціи, напечаталъ на дняхъ воззваніе къ своимъ товарищамъ, приглашая ихъ 1-го (13) октября, — если къ этой эпохѣ не послѣдуетъ созванія законодательнаго корпуса, — собраться, безъ приглашенія правительства, у дверей Бурбонскаго дворца (гдѣ происходятъ засѣданія) и требовать, именемъ закона и конституціи, чтобы двери эти были имъ открыты.

Въ первую минуту, оригинальное воззваніе графа Кератри значительно ошеломило публику, но когда доводы этого воззванія были взвѣшены и провѣрены надлежащимъ образомъ, то большинство публики и даже журналистика согласились, что доводы эти совершенно согласны съ буквою конституціи и незаконнаго въ нихъ нѣтъ ничего. Въ настоящую минуту къ тому же убѣжденію начинаютъ приходить и большинство депутатовъ. Ото всюду сыплются заявленія согласія на предложеніе Кератри и даже такой осторожный политикъ, какъ Тьеръ, выражаетъ полное свое сочувствіе смѣлому депутату и готовность послѣдовать его примѣру.

Все это должно поставить императорское правительство въ крайне затруднительное положеніе. Что нибудь одно: или ему придется уступить требованіямъ законодательнаго корпуса и открыть его засѣданія, прежде чѣмъ оно успѣетъ приготовить къ надлежащей борьбѣ, или же ему предстоитъ наткнуться на весьма серьезную и крайне опасную демонстрацію. Въ самомъ дѣлѣ, что останется ему дѣлать, если депутаты дѣйствительно соберутся у дверей Бурбонскаго дворца и станутъ требовать, чтобы имъ отворили эти двери? Уступить — но тогда законодательный корпусъ откроетъ свои засѣданія помимо правительства и явится какъ бы вполне самостоятельнымъ факторомъ власти. Разогнать депутатовъ силою оружія? Но, вѣдь, это послужитъ сигналомъ къ весьма серьезнымъ смутамъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онѣ вспыхнутъ не во имя какого-либо революціоннаго и анархическаго порыва, а во имя правъ конституціи, самимъ же императоромъ созданной и навязанной Франціи. Положеніе оказывается безвыходное, потому что единственный возможный выходъ, т. е. созваніе законодательнаго корпуса прежде 1-го (13) октября, будетъ все-таки уступкой весьма безцеремонно заявляемымъ требованіямъ и придастъ этому собранію небывалое значеніе. Рѣшительно, свѣтлые дни второй имперіи кончились и имъ болѣе уже не возвратиться.

Въ Испаніи опять начинаются революціонныя смуты. Въ Барселонѣ произошло народное возстаніе республиканцевъ. Чтобы покончить со всеми этими прискорбными тревоженіями, нѣтъ другого исхода, какъ поскорѣй избрать короля и учредить окончательное правительство. Покаместъ страна будетъ находиться въ переходномъ положеніи, она неиз-

бжно будетъ служить ареною интригъ и происковъ всѣхъ партій, и прискорбныя кровопролитія не прекратятся.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

«Правительств. Вѣстн.» обнародовалъ слѣдующія телеграммы: Ливадія, 10-го сентября. Въ состояніи здоровья Государыни Императрицы есть нѣкоторое прогрессивное улучшеніе. Лихорадочные пароксизмы становятся регулярнѣе и слабѣе.

— Ливадія, 12-го сентября. Въ состояніи здоровья Государыни Императрицы нѣтъ значительной перемѣны. Лихорадочные припадки не возобновлялись; но силы возвращаются весьма медленно.

Церковныя извѣстія.

Въ «Кіевлянннѣ» сообщаютъ, что, озабочиваясь благоустройствомъ училищныхъ и епархіальныхъ дѣлъ, преосвященный Леонтій, епископъ подольскій, нашошь благовременнымъ и нужнымъ учредить епархіальный съѣздъ духовенства на 15-е октября 1869 года, въ Каменцѣ-Подольскомъ. На съѣздѣ должны присутствовать все окружныя благочинныя и депутаты изъ священниковъ, отъ cadaго округа по одному.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

По извѣстіямъ Русскаго телеграфнаго агентства изъ Брестъ-Литовска, 4-го сентября специальная комисія испытывала крѣпость новаго моста на рѣкѣ Бугѣ, соединяющаго Брестъ-Литовскъ съ варшавско-тереспольскою дорогой. Испытаніе состояло въ многократномъ провѣздѣ вагоновъ съ грузомъ въ 24.000 пудовъ. 5-го сентября, для испытанія, на мостѣ оставлена тяжесть на 48 часовъ. Результаты испытанія оказались удовлетворительными.

— Въ «Кавказѣ» сообщаютъ, что 16-го августа на линіи поти-тилисской желѣзной дороги первый рабочий поѣздъ прошолъ у города Поти десятиверстное разстояніе отъ моря до перваго желѣзнаго моста. Рельсы положены уже въ разныхъ мѣстахъ дороги, но мосты еще не готовы. Для отправления перваго рабочаго поѣзда ждали сперва въ Поти Великаго Князя, Намѣстника, но Его Высочество отложилъ свою поѣздку. По контракту съ поставщиками подвижнаго состава полотно и мосты должны быть готовы на этой дорогѣ къ 1-му января 1870 года, а въ противномъ случаѣ казна должна платить ежедневный штрафъ.

— Въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ слухъ, будто сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ будетъ предоставлено г. Полякову.

— Изъ Орла въ ту же газету пишутъ, что между служащими курской желѣзной дороги за послѣднее время разнеслась молва, будто южная желѣзная дорога перейдетъ къ новому году въ вѣдѣніе Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

— Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ, что пономестному почетному гражданину Александру Шепелеру разрѣшено произвести изысканія для желѣзной дороги отъ Смоленска до Брестъ-Литовска, по двумъ направленіямъ, чрезъ Оршу и чрезъ Могилевъ.

— Телеграфное агентство, извѣщаетъ, что не далеко отъ новостроющагося чрезъ Волгу моста на рыбинской желѣзной дорогѣ, 8-го числа, прошолъ первый поѣздъ.

— Изъ таблицы, помѣщенной въ «Прав. Вѣст.», видно, что на 100 чловѣкъ обоого пола приходится денегъ:

Въ Бельгіи	(1866)	13,57
— Норвегіи	(1865)	12,98
— Швеціи	(1865)	11,92
— Пруссіи	(1864)	7,93
— Италіи	(1859)	7,21
— Франціи	(1866)	6,19
— Австріи	(1865)	5,10
— Россіи	(1866)	1,86

— Въ «Дѣятельности» пишутъ, что старобѣльское земское собраніе постановило ходатайствовать о концессіи на желѣзную дорогу между Старобѣльскомъ и Бахмутомъ. Въ послѣдствіи полагаются продолжать эту дорогу до воронежско-грушевской линіи, такъ что чрезъ Старобѣльскъ открылось бы поперечное рельсовое сообщеніе между азовскою и воронежско-грушевскою линіей. Предпріятіе ведется по почину и на средства гг. Дьяконова и К°. Инженеръ, находящійся на пути изъ Петербурга, обязался окончить изысканія и составить предварительный проэктъ къ 15-му декабря.

Училища, братства, библіотеки.

«Кіевлянннѣ» сообщаютъ, что 28-го сентября будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей кіевской духовной академіи.

— «Рижскій Вѣстникъ» сообщаетъ протоколъ общаго собранія членовъ вѣнскаго православнаго братства, изъ котораго видно, что въ кассѣ братчиковъ, къ августу нынѣшняго года, состояло всего 402 р.; что братство постановило: 1) обратить особенное вниманіе на религиозно-нравственное образованіе дѣтей бѣдныхъ прихожанъ, живущихъ въ услуженіи у иновѣрныхъ, не щадя для этого никакихъ средствъ; 2) озаботиться переводомъ на латышскій языкъ исторіи русскаго государства, исторіи христіанской церкви вообще и россійской особенно и переложеніемъ на латышскій текстъ партитуры новаго пѣнія Турчанинова и Львова.

— Въ ежедневныхъ газетахъ пишутъ, что въ настоящемъ году преподаваніе лѣсныхъ наукъ въ петербург-

скомъ земледѣльскомъ институтѣ значительно расширяется; вмѣсто прежде бывшей одной каѳедры лѣсныхъ наукъ, будетъ три каѳедры: лѣсоводства, лѣсной таксаціи и лѣснаго законодательства; на эти каѳедры назначены: Н. М. Зобовъ, Н. С. Шафрановъ и Д. Д. Шоловъ.

— По извѣстіямъ «Журн. Мин. Нар. Пр.» въ казанскомъ университетѣ незамѣщены слѣдующія каѳедры: а) въ историко-филологическомъ факультетѣ: сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, исторіи всеобщей литературы; теоріи и исторіи искусствъ; б) въ физико-математическомъ: каѳедра физической географіи; в) въ юридическомъ: каѳедры энциклопедіи права, исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, исторіи славянскихъ законодательствъ; г) въ медицинскомъ—каѳедра фармакологіи. Всего незамѣненныхъ каѳедръ 8. Въ университетѣ св. Владиміра дѣла еще хуже. По штату всѣхъ преподавателей полагается въ немъ 123, а на лицо ихъ было, съ 1-го января текущаго года всего 55, слѣдовательно, недоставало 68-ми. Незамѣщенными оставались слѣдующія каѳедры, учрежденныя по уставу 1863 года: а) по историко-филологическому факультету шесть: греческой и римской словесности, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, всеобщей исторіи, церковной исторіи и теоріи и исторіи искусствъ; б) по физико-математическому факультету 5: астрономіи и геодезіи, зоологіи, минералогіи, физической географіи, геогнозисъ и палеонтологіи; в) по юридическому 5: энциклопедіи права, полицейскаго права, исторіи русскаго права, исторіи славянскихъ законодательствъ и церковнаго законодѣнія; г) по медицинскому 4: гистологіи, эмбриологіи и сравнительной анатоміи, общей патологіи, офтальмологіи и гігіены, медицинской полиціи и медицинской географіи и статистики.

— Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что для пересмотра существующихъ Высочайше утвержденныхъ положеній о сельскихъ школахъ, учительской семинаріи и женскомъ училищѣ с.-петербургскаго воспитательнаго дома, учреждена особая комісія подъ предсѣдательствомъ инспектора классовъ петербургскаго Николаевскаго сиротскаго института М. Б. Чистякова. 10-го сентября было первое засѣданіе этой комісіи. По слухамъ, во время этого засѣданія всесторонне разсмотрѣны только два параграфа нынѣ дѣйствующаго устава вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній, и единогласно признано необходимымъ, для болѣе прочнаго обезпеченія безроднымъ воспитанникамъ воспитательнаго дома средствъ жизни, съ грамотностью соединить ремесленное образованіе.

— Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что 5-го сентября происходилъ первый публичный актъ въ императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ, бывшемъ ремесленномъ учебномъ заведеніи воспитательнаго дома, преобразованномъ, годъ назадъ, въ высшую специальную школу. На этомъ актѣ директоръ училища, В. К. Делла Вось прочелъ *краткій отчетъ о состояніи императорскаго московскаго технического училища за 1868—1869 учебный годъ*, изъ котораго видно, что въ настоящее время въ училищѣ семь профессоровъ, восемнадцать преподавателей, девять завѣдывающихъ мастерскими, двое лаборантовъ, четверо ассистентовъ и репетиторовъ. Учащихся 347, изъ которыхъ 109 казеннокоштныхъ, 175 своекоштныхъ пансіонеровъ, 5 полупансіонеровъ, 19 вольноприходящихъ и 39 вольнослушателей. Заведеніе богато средствами: оно обладаетъ основными непрякосвоеннымъ капиталомъ въ два съ половиною милліона рублей; его годовая бюджетъ простирается до 160,000 р., въ томъ числѣ 103,000 процентовъ съ основнаго капитала, 44,000 сбора съ учащихся и 10,000 дохода съ мастерскихъ. На учебную часть, за исключеніемъ учебныхъ мастерствъ, расходуется въ годъ 51,000. Для пополненія учебныхъ кабинетовъ преобразованнаго заведенія, на расширеніе мастерскихъ и возобновленіе класной мебели ассигновано 55 тысячъ, съ отнесеніемъ 20,000 на запасный капиталъ училища (капиталъ этотъ составляетъ около 30,000), а остальныхъ на суммы вѣдомства IV отдѣленія императорской канцеляріи.

Литературныя извѣстія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщенъ слѣдующій списокъ вновь разрѣшенныхъ периодическихъ изданій: I. «Вибліографъ», издатель почетный гражданинъ К. Дурышкинъ, редакторъ тайный совѣтникъ В. Струговичковъ (ежемесячный журналъ безъ предварительной цензуры). II. «Revue Septentrionale», составлявшая до сихъ поръ приложение къ «Courrier Russe», будетъ выходить отдѣльно; издатель-редакторъ, г. де-Сюзюръ (подъ предварительною цензурой). III. «Музыкальный Сезонъ», издатель, владѣлецъ нотнаго магазина, г. Югансонъ; редакторъ профессоръ санкт-петербургской консерваторіи А. Фамининъ, газета (подъ предварительною цензурой). IV. «Земскій Сборникъ Черниговской губерніи», изданіе черниговской губернской земской управы. V. «Нива», издатель, прусскій подданный А. Марксъ, редакторъ, отставной коллежскій секретарь В. Ключниковъ, литературный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія (подъ предварительною цензурой). VI. «Крошка» редакторъ-издательница, г-жа Гвоздиковъ, иллюстрированный дѣтскій журналъ (подъ предварительною цензурой). VII. «Адресный листокъ пріѣзжающихъ въ Санктпетербургъ», редакторъ-издатель, содержатель типографіи М. Эттингеръ (подъ предварительною цензурой). VIII. «Указатель Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», издатель-редакторъ, ливанскій уроженецъ Д. Зире (подъ предварительною цензурой). Всѣхъ изданій въ нынѣшнемъ году разрѣшено до сихъ поръ 20.

Судоходство.

Со времени открытія навигаціи, т. е. съ 12-го апрѣля, по 1-е число сентября мѣсяца, прибыло въ С.-Пе-

тербургъ 9,745 судовъ. Кладь, привезенная на этихъ судахъ, оцѣнивается въ 24.507,127 рублей.

— По извѣстіямъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», купецъ Сидоровъ, отправившійся по Ледовитому сѣверному океану съ намѣреніемъ пробраться на своемъ пароходѣ въ Обь, благополучно достигъ своей цѣли и уже находится на этой рѣкѣ.

Урожай.

Костромская губ. Сборъ яровыхъ посредственный. Урожай вообще удовлетворителенъ.

Нижегородская губ. Яровые хлѣба вообще были неудовлетворительны, вслѣдствіе дождей и бездожжія. Осимъ хороша только въ двухъ уѣздахъ. Вообще, жалуются на плохой урожай во всей губерніи.

Симбирская губ. Урожай озими хорошъ въ 3 уѣздахъ; въ остальныхъ посредственъ. Яровые во многихъ уѣздахъ пострадали отъ засухи.

Разныя извѣстія.

А. Г. Рубинштейнъ, по словамъ «Моск. Вѣд.» принимаетъ артистическое путешествіе по Россіи. Онъ будетъ давать концерты въ городахъ, соединенныхъ съ столицами рельсовымъ путемъ.

— Изъ Шемахи пишутъ въ газету «Кавказъ», что 21-го августа, въ 3 часа и 7 мин., жители этого города почувствовали сильный ударъ землетрясенія; ударъ былъ такой, какого шемахинцы не чувствовали съ 1859 года. Иные говорятъ даже, что землетрясеніе 21-го августа было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1859 г.; но за то настоящее было не такъ продолжительно: оно происходило только въ теченіи около 10 сек., а затѣмъ слѣдовали другіе удары. Разрушившихся домовъ много; большая часть зданій сильно повреждена. Особенно пострадала русская часть города, такъ называемая молканская слобода, а также армянская часть. Половина города, расположенная на горѣ, въ развалинахъ: нѣтъ ни одного дома безъ поврежденія.

Второй съѣздъ русскихъ естествоиспытателей.

I.

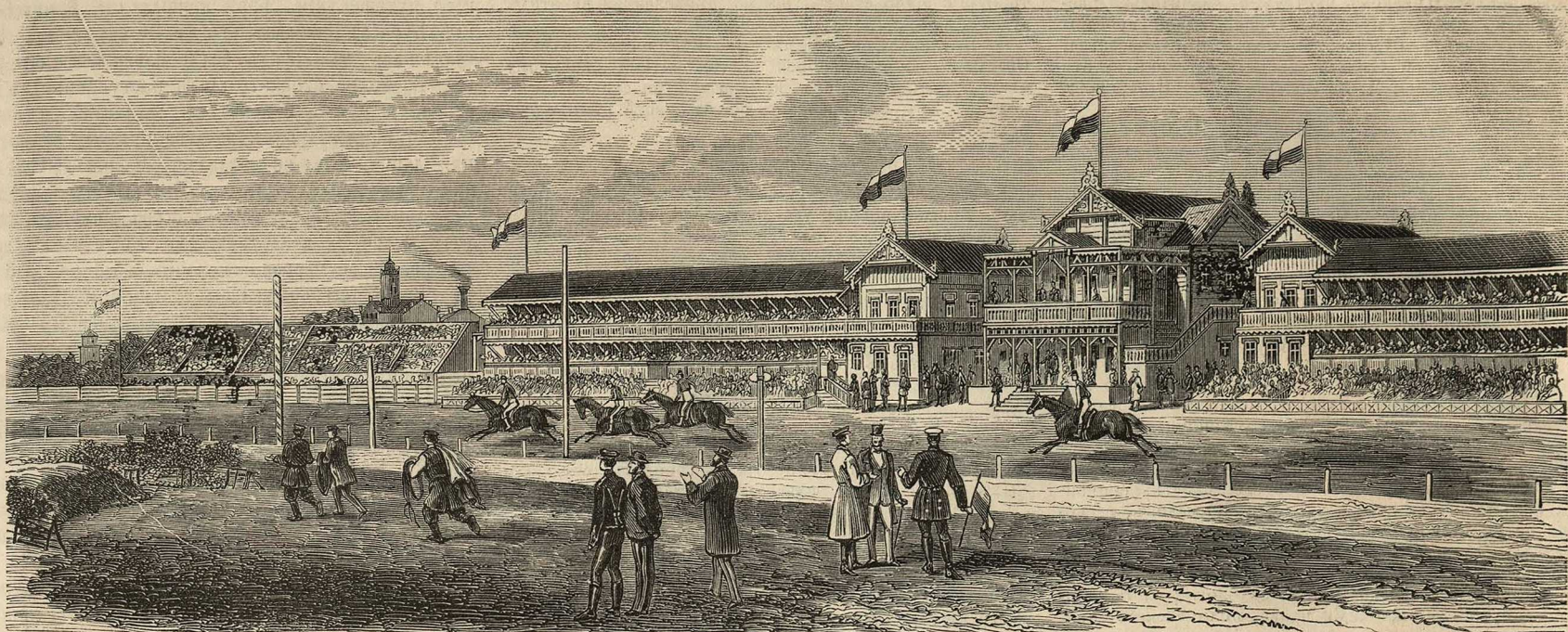
Старѣйшій представитель русскихъ изслѣдователей природы, Карлъ-Эрнстъ Магнусовичъ фонъ-Бэръ, докторъ медицины, дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный членъ Императорской С.-петербургской Академіи Наукъ.

29 августа 1864 года, въ С.-Петербургѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей со времени полученія естествоиспытателемъ, Карломъ-Эрнстомъ Магнусовичемъ фонъ-Баромъ, степени доктора. Русскія и иностранныя газеты посвящали длинныя статьи, какъ описанію самого празднованія юбилея, такъ и виновнику этого торжества, «самоу многостороннему и остроумнѣйшему естествоиспытателю нынѣшняго времени». Изъ далекихъ мѣстъ пріѣзжали ученые для принесенія маститому юбиляру своихъ поздравленій. Россія и Германія оспариваютъ другъ у друга этого учонаго, и та, и другая называютъ его своимъ; каждая изъ нихъ и права, и неправа, такъ какъ онъ принадлежитъ имъ обѣимъ.

Родившійся русскимъ подданнымъ въ имѣніи своего отца, въ деревнѣ *Пипъ*, въ Эстляндской губерніи, 17 февраля 1792 года, Бэръ, по полученіи прекраснаго домашняго образованія, съ 1807 по 1810 годъ посѣщалъ приходскую школу въ Ревелѣ, и въ 1810 году поступилъ въ дерптскій университетъ, спустя восемь лѣтъ по основаніи этого университета. Здѣсь, до 1814 года, онъ изучалъ медицину и, получивъ въ этомъ году степень доктора, уѣхалъ въ Германію. Онъ посѣтилъ Берлинъ и Вѣну; во время этого путешествія, въ Бэрѣ пробудилась любовь къ естественнымъ наукамъ, вслѣдствіе чего, оставивъ свои занятія медициною, онъ принялся за изученіе *ботаники*. Отправившись изъ Вѣны черезъ Мюнхенъ въ Вюрцбургъ, онъ, подъ руководствомъ профессора Деллингера, съ прежнимъ рвеніемъ сталъ заниматься *сравнительною анатоміею*; въ Вюрцбургѣ Бэръ познакомился съ извѣстнымъ ботаникомъ *Несомъ фонъ-Эзенбекомъ*. Знакомство это произвело сильное вліяніе на направленіе его ума. По просьбѣ профессора Бурдаха, его бывшаго учителя въ Дерптѣ, призваннаго въ кенигсбергскій университетъ, Бэръ, частью пѣшкомъ, по тогдашнему обычаю, прибылъ Берлинъ, и весьма ревностно посѣщалъ лекціи факультета естественныхъ наукъ; здѣсь, по порученію кенигсбергскаго университета, онъ купилъ знаменитую коллекцію препаратовъ *Зенфа*, по исторіи развитія человека. Изъ Берлина, Бэръ переѣхалъ въ Кенигсбергъ, въ качествѣ штатнаго профессора кенигсбергскаго университета, предварительно посѣтивъ, съ научною цѣлью, города Галле, знаменитый своимъ университетомъ, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Германіи, и Лейпцигъ; въ этихъ городахъ, не смотря на кратковременное свое пребываніе, онъ успѣлъ войти въ дружественныя отношенія съ тогдашними научными авторитетами. Весною 1817 года, послѣ продолжитель-

наго путешествія, Бэръ прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ Бурдахъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Переселившись въ городъ болѣе близкій къ его родинѣ, Бэръ, до окончательнаго поступленія въ иностранную службу, захотѣлъ заглянуть въ отечество и повидаться съ родственниками, съ которыми давно уже не видался. Осенью 1817 года, онъ уже снова былъ въ Кенигсбергѣ. Здѣсь съ неутомимымъ прилежаніемъ, онъ принялся за работу и своими изслѣдованіями въ области зоологіи положилъ первое основаніе своей научной славы. Въ Кенигсбергѣ Бэръ скоро приобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе, и женился на дѣвицѣ *Авустъ фонъ-Медемъ*; въ 1819 году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ, а спустя нѣсколько времени, ординарнымъ профессоромъ университета. Вскорѣ, съ свойственною ему энергіею и рвеніемъ, онъ приступилъ къ устройству знаменитаго въ настоящее время кенигсбергскаго зоологическаго музея; онъ написалъ въ это время множество сочиненій по зоологіи и физиологіи, имѣющихъ и теперь еще научное значеніе, и составляющихъ плоды его собственныхъ изслѣдованій. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ его сочиненій: «*Объ исторіи развитія животныхъ*» («*Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere*». Königsberg 1828) содержитъ въ себѣ исторію развитія животныхъ, въ особенности ципленка, основанную на собственныхъ изслѣдованіяхъ; сочиненіе это и теперь еще составляетъ необходимый источникъ для каждаго естествоиспытателя и составило цѣлую эпоху въ исторіи физиологіи. Французскій зоологъ Кювье, познакомившись съ этимъ сочиненіемъ Бэра, по французскому переводу Бреша, предложилъ французской академіи увѣнчать его преміею; вслѣдствіе этого академія, при посредствѣ одного изъ знаменитѣйшихъ германскихъ естествоиспытателей, Александра Гумбольдта, прислала Бэру медаль. Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ изданія въ свѣтъ этого сочиненія, оно удостоилось, небывалой еще въ то время, чести перевода на англійскій языкъ, сдѣланнаго Гексли, и при томъ съ такимъ лестнымъ для автора предисловіемъ, какого едва ли удостоился когда нибудь какой либо другой учоный.

Въ 1830 году Бэръ, стяжавъ громкую славу въ заграничномъ ученомъ мірѣ, призванъ въ С.-Петербургъ въ качествѣ академика зоологическаго отдѣленія. Такъ какъ онъ очень мало былъ знакомъ съ Петербургомъ и всѣми условіями жизни въ этомъ городѣ, то хотѣлъ предварительно познакомиться съ мѣстомъ будущей своей дѣятельности и для этого черезъ Эстляндію пріѣхалъ въ нашу столицу. Тогдашнее жалованье академика, 800 рублей серебромъ, оказалось недостаточнымъ для содержанія его довольно многочисленнаго семейства и Бэръ, проживъ нѣсколько мѣсяцъ въ Петербургѣ, вернулся въ Германію. Короткое пребываніе Бэра въ отечествѣ все-таки принесло нѣкоторую пользу для послѣдняго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Бэра въ его «Автографіи», изданной въ 1864 году: «Зоологическій музей академіи, состоявшій изъ нѣсколькихъ большихъ залъ прежней, такъ называемой кунсткамеры, имѣлъ видъ кабинета рѣдкостей. Огромныя змѣи и другія подобныя животныя, прибитыя гвоздями къ стѣнамъ, казались ползущими по нимъ и наводили страхъ на зрителя. Птицы и моллюски были опредѣлены и расположены въ систематическомъ порядкѣ академикомъ Пандеромъ, насѣкомыя—академикомъ Менетріе, который въ то время, вмѣстѣ съ академикомъ Ленцомъ, былъ на Кавказѣ; остальное же требовало систематическаго пересмотра и не было расположено такъ, какъ теперь, въ систематическомъ порядкѣ, но, вслѣдствіе недостаточности помѣщенія, было разбросано на полу или лежало въ шкапахъ и на подставкахъ. Въ особенности же нѣкоторые плоскіе, стеклянные ящики съ тропическими насѣкомыми, висѣвшіе въ простѣнкахъ, напоминали время *Себа*, который, по порученію императора Петра Великаго, купилъ большую коллекцію. Эта частная коллекція Петра Великаго, перешла послѣ его смерти во вновь учрежденную академію. Ко всему этому присоединились вслѣдствіемъ различныхъ коллекцій, собранныхъ во время позднѣйшихъ путешествій съ научными цѣлями, каковы были путешествія Палласа и его современниковъ (во время царствованія Екатерины Великой и императора Павла Петровича). До этихъ поръ никто еще не рѣшался привести все это въ порядокъ. Мало по малу нѣкоторая часть собраній подверглась специальной обработкѣ. Академикъ Франъ, при содѣйствіи президента *Уварова*, въ скоромъ времени устроилъ

Царскосельскія скачки 1869 г.: Начало скачки на призъ Государственнаго Конозаводства, 21 августа.

(Рисов. К. Броу; гравир. Даммюлеръ).

восточный музей; академикъ *Триниусъ* съ большимъ рвеніемъ положилъ основаніе гербарію въ большихъ размѣрахъ. Моя первая мысль при осмотрѣ музея была та, чтобы и зоологическія колекціи перемѣстить изъ этого помѣщенія, гдѣ такъ глубоко укоренился античный характеръ. Убѣжденіе мое въ необходимости этого еще болѣе утвердилось послѣ того, какъ я увидалъ, что систематическія аннотированія млекопитающихъ животныхъ были перемѣшаны; я исправилъ этотъ беспорядокъ, но черезъ два дня онъ возобновился. Это произошло отъ невѣжества одного изъ смотрителей, бывшаго прежде въ услуженіи у Палласа и имѣвшаго нѣкоторое понятіе о набиваніи чучелъ, но ничего не понимавшаго въ систематическомъ опредѣленіи животныхъ.

«Необходимая потребность разобрать колекцію была давно признана и уже было выстроено большое зданіе, недалеко отъ старой кунсткамеры, стоявшее почти пустымъ. Я составилъ планъ, по которому должны были быть помѣщены зоологическія колекціи въ этомъ новомъ

помѣщеніи. Президентъ академіи, Уваровъ, впоследствии бывшій министромъ, хотя и одобрялъ пе-

должительному обсужденію». Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Бэръ неоднократно посѣщалъ

императорскую библіотекку и изучалъ естественно-историческія, въ особенности же зоологическія и анатомическія сочиненія, изданныя въ Россіи. Кромѣ сочиненій, изданныхъ академіею, Бэръ просмотрѣлъ большую часть русскихъ газетъ и журналовъ, найденныхъ имъ въ библіотекѣ, и составилъ каталогъ естественноисторическихъ книгъ библіотеки. Въ особенности же его занималъ вопросъ, возникшій у него еще въ Кенигсбергѣ и рѣшенія котораго онъ полагалъ достигнуть въ нѣсколько дней, если не въ нѣсколько часовъ. Именно, за границею никто не зналъ, почему драгоцѣнное сочиненіе, упомянутое уже не разъ, знаменитаго русскаго естествоиспытателя, Палласа, «*Zoographia Rosso-Asiatica*» такъ мало распространено. Одинъ экземпляръ этого сочиненія находился у профессора Рудольфа въ Берлинѣ, и былъ купленъ имъ во время продажи библіотеки

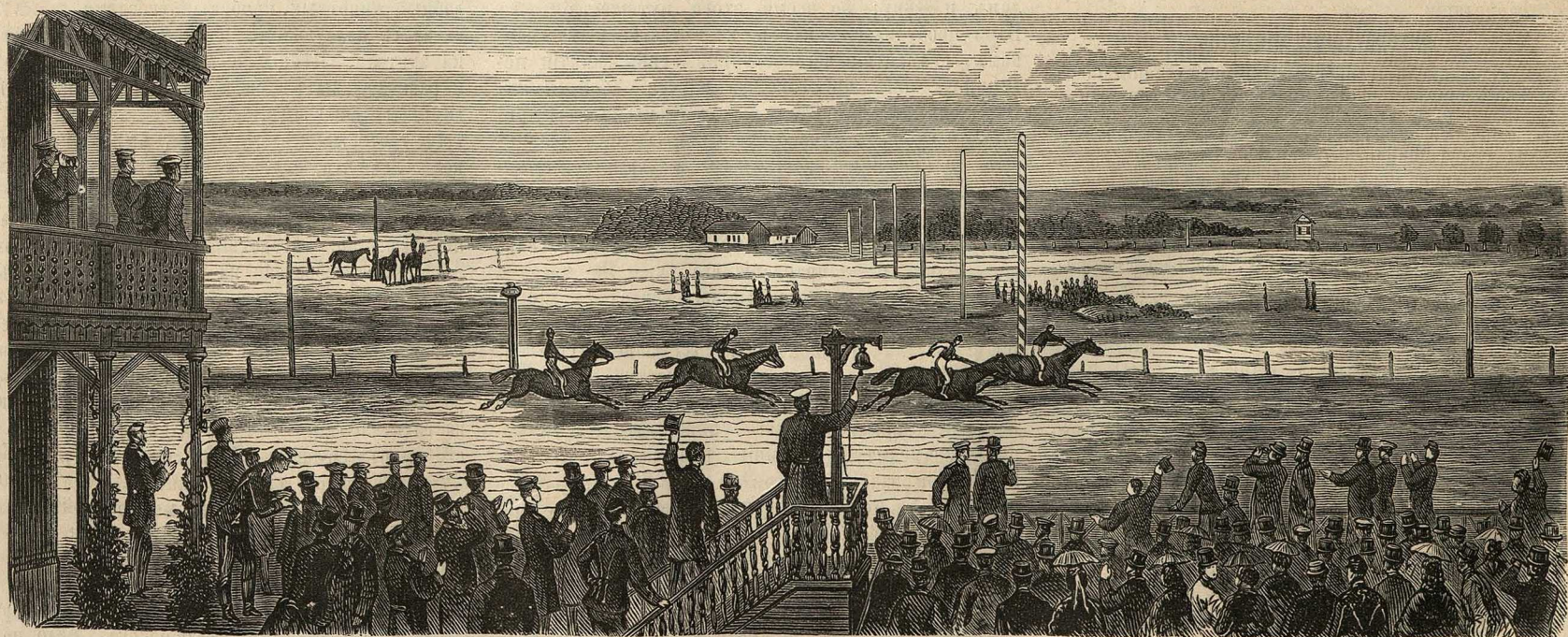
самого Палласа, послѣ его смерти. Рудольфъ давалъ пользоваться своимъ экземпляромъ многимъ загра-

Царскосельскія скачки: Реконпенса, глѣд. кобыл. принадл. г. Сону, взявшая призы императорскій и государственнаго конозаводства.

(Съ фотографіи К. А. Брюсъ-Лисицына; грав. Даммюлеръ).

ремѣненіе и размѣщеніе колекцій, но утвердилъ мой планъ, подвергнувъ его предварительному про-

Царскосельскія скачки 1869 г.: Конѣцъ скачки на призъ Государственнаго Конозаводства.

(Рисов. К. Броу; гравир. Даммюлеръ).

Испанія: Сраженіє при Пьедра-Буэна, между карлистами и правительственными испанскими войсками.

Островъ Куба: Провозглашеніє республики среди цвѣтнаго населенія острова.

ническим ученым. Почти все были уверены, что сочинение Палласа было издано в весьма ограниченном числе экземпляров, а потому не существовало в продаже; так полагали и великий Кювье, прекрасно знакомый с литературой своей науки. Занявшись разъяснением этого вопроса, Бэр узнал, что сочинение Палласа существует в продаже, даже и в Германии, но что забыли объявить ко всеобщему сведению о том, что знаменитая таблица к этому огромному сочинению, гравированная на меди, или в серебре, самая медная доска, которая готовилась знаменитым немецким гравером Гейслером, в Лейпциге, с 1805 до 1811 года (год смерти Палласа), бесследно исчезла во время войны с Наполеоном. С.-Петербургская академия наук поручила Бэру розыскать эти таблицы. Вследствие этого он отправился в Лейпциг, где после долгих и старательных розысков, ему удалось наконец отыскать, как медные доски, так и оригинальные зоологические рисунки Палласа, которые гравировал Гейслер, вследствие нищеты, заложил. Бэр выкупил их и вернул для науки. После этого Бэр вернулся в Кенигсберг, к своим прежним профессорским обязанностям. Здесь он еще ревностнее прежнего принялся за работу; сочинение следовало за сочинением, занятия его не прерывались даже в ужасный 1830 год, когда холера страшно опустошала Кенигсберг. В 1834 году Бэр получил вторичное приглашение из Петербурга на место ординарного академика. Так как жалованье к этому времени настолько было увеличено, что Бэр мог уже дать хорошее воспитание своим детям, то он и принял приглашение.

Если бы мы захотели перечислить все то, что он здесь сделал, если бы захотели описать его неутомимое прилежание, в кратце изложить результаты всех интересных, научных путешествий, совершенных им по поручению правительства, то мы должны были бы ужаснуться всей массы этого громадного материала. Касательно путешествий Бэра, мы заметим только, что он большею частью имел целью изучение полярных стран и составление их карт. Так, с мая до сентября 1837 года, он, на счет правительства, совершил путешествие к Новой Земле и напечатал отчет о нем в бюллетенях академии. С 1851 до 1856 года, он, по поручению правительства, исследовал рыболовство на озерах Пейпуса, на русских берегах Балтийского моря и в Каспийском море; исследования эти изданы им в четырех томах (С.-Петербург 1854—59, с атласом). Вместе с академиком Гельмерсом, издавал он «Материалы к изучению российской империи» (в 22 томах) с 1839—1861 года; в это издание вошли многие сочинения Бэра, состоящие, главным образом, из отчетов о путешествиях, с целью научного исследования России.

Много можно было бы написать об очень интересных событиях из чрезвычайно деятельной жизни нашего ученого, но, к несчастью, недостаток места не позволяет нам привести ни одного эпизода из его жизни, а потому, тех из читателей, которые захотят ближе познакомиться с личностью нашего ученого, мы отправляем к изданной им «Автобиографии». Мы должны сообщить еще, что Бэр, в течение некоторого времени, был профессором в императорской медико-хирургической академии, а также состоял библиотекарем по естественно историческому отделению, при императорской публичной библиотеке.

29 апреля 1864 г., как уже было упомянуто в начале нашей статьи, Бэр праздновал пятидесятилетний юбилей своего доктората; но почтенной супругой его не суждено было быть свидетельницей почестей, оказанных ей знаменитому супругу; она скончалась за два месяца перед тем (15 марта 1864 г.) Двое взрослых сыновей умерли еще прежде ее. Утратой его старости остались трое сыновей, из которых один морской офицер, а двое других — помощники в Эстляндии и замужняя дочь. В 1865 г. Бэр, за старостью лет и для того, как он сам говорил, чтобы не загрождать пути в академию молодым ученым, отказался от звания ординарного академика, но тотчас же получил звание почетного члена академии, с правом голоса и причислен к министерству народного просвещения. Бэр украшен множеством высших орденов, пожалованных ему Государем Императором и иностранными государями, и состоит действительным и почетным членом многих русских и иностранных ученых обществ.

В настоящее время он удалился в Дерпт, где, по прежнему, неутомимо работает для науки.

Мы оканчиваем нашу биографию «самого многостороннего и остроумнейшего из живущих в настоящее время естествоиспытателей» сердечным пожеланием, с которым согласится вероятно и каждый читатель, чтобы Бэр, великий, не только как ученый, но и как человек в благороднейшем значении этого слова, прожил бы на свете, вдали от всех житейских неприятностей, еще многие лета, опорой своему семейству, на радость многочисленных друзей и на славу своему отечеству.

Д-р Гезелуэ.

Несколько слов о Царско-сельских скачках.

В минувшем августе в Царском селе происходили обычные призовые скачки кровных лошадей.

Вообще, у нас общество предпочитает рысистые бга скачкам, которые поэтому у нас не так популярны как за границей, в особенности в Англии, где на известный Derby Day собирается весь Лондон. Причина непопулярности у нас скачек заключается в нелюбви русских к верховой езде, и в страсти ездить в закладках быстро, как говорится, — сломя голову; разумеется, кому что нравится; англичанин, например, предпочитает прохаживаться верхом на хорошо-выбуженной лошади; русский же, напротив, охотнее и с большим удовольствием проедется в упряжи, на врано и быстро бегущей лошади. Кроме того, скачки у нас устраиваются как бы для избранного общества, которое, тем не менее, относится к ним не очень то сочувственно. Нынешние царско-сельские скачки, не отличаясь многолюдностью. Присутствие коготок и камелей, без которых не может обойтись ни одно публичное собрание, и которые заседают всегда в самых видных местах, не всякому может быть особенно приятно; вот от чего большинство бывших на скачках владельцев лошадей были одни, без семейств; да и ко всему этому, удовольствие быть хоть на одной скачке, обходится не совсем дешево; для холостого, при скромном расходе, поездка может стоить до 10 рублей; для семейного же она обойдется, покрайней мере, рублей в 20 или 25 рублей, что, само собою разумеется, делает расчет.

Масса зрителей, присутствующих за барьером, не принимает почти никакого участия в скачках; они просто глядят; действительно занимают ее только скачки с препятствиями, вызывающие общий смех при неудачном прыжке, или удачном падении. Больше всех и совершенно искренно заинтересованы, в скачках только владельцы записанных на скачки лошадей, но и между ними, людей, отчужденно знающих достоинства кровных лошадей, весьма и весьма не много. Впрочем, такой недостаток обнаруживается и на рысистых бгах. У нас очень много, так называемых любителей лошадей и весьма мало знатоков-охотников, в строгом смысле этого слова.

Всех лошадей, записанных и явившихся на царско-сельские скачки, согласно условиям призов, было до 30; частью русских заводов, частью выведенных из за границы. Между всеми скаковыми лошадьми, отличалась два раза гн. коб. *Рекоменс*, взявший два приза. *Рекоменс* скакала 14 и 21 августа. 14 августа, она скакала на императорский приз. Условия приза были таковы: для жеребцов не моложе 4 л. и коб. 4 и 5 л. 2000 рублей, из коих второй лошади 300 рублей. Дистанция 6 верст. На этот приз, было записано шесть лошадей: *Казачка*, *Ванкувер*, *Лорд-Фог*, *Рекоменс*, *Лорд-Фауст* и *Эстафет*. Приз взяла *Рекоменс*, сделавшая дистанцию в 6 верст, в 8 мин. 40 сек., вторю пришло *Эстафет*.

Рекоменс принадлежит И. И. Сону, выведена из Англии, а *Эстафет* — Н. А. Болговскому заводу П. К. Мердера.

21 августа *Рекоменс* была записана на приз Главного Управления Государственного Коннозаводства для продажных жеребцов и кобыл не моложе 4 лет; дистанция 2 версты 100 сажень; приз 400 рублей. Скакали: *Леди-Джедди*, *Виконтесса* и *Рекоменс*. Приз взяла *Рекоменс*, две другие лошади шли от нея весьма близко и ровно, почти голова в голову.

Рекоменс оценена в 600 рублей; *Леди-Джедди*, тем. гн. коб., оценена в 350 рублей, выведена из Англии, *Виконтесса*, гн. коб., оценена в 600 рублей, завода О. М. Мосолова.

Сражение при Педра-Буэна, между карлистами и правительственными испанскими войсками.

Попытки инфанта Дон-Карлоса, герцога Мадридского, возбудить испанское население против существующего правительства в Испании, в свою пользу, не имели никакого успеха. Но тем не менее, довольно значительное число его приверженцев, образованное, во многих испанских провинциях, шайки в несколько сот человек, в продолжении нескольких месяцев под-ряд, беспокоили испанское правительство и побуждали его высылать значительные отряды войск для преследования этих шайек. Большинство населения в тех местах, где появлялись вооруженные шайки карлистов, не выказывало ни малейшего сочувствия к карлистскому движению и только весьма немногие, благодаря влиянию подкупленного духовенства, приставили к возмущению, увеличивая собою число приверженцев Дон-Карлоса. Как ни старалось испанское правительство, в своих

официальных газетах и телеграмах, выставить карлистское возмущение ничтожным, частные известия из Испании сообщали о довольно серьезных стычках правительственных войск с карлистскими, которые, предводимые храбрыми и искусными вождями, давали иногда довольно сильный отпор испанским отрядам.

Так, месяца полтора тому назад, шайка карлистов, предводимая Сабариего и преследуемая отрядом правительственных войск, оказала им сильное сопротивление при Педра-Буэна.

Отряд испанской кавалерии и пехоты, преследуя шайку Сабариего, напал на нее близ Педра-Буэна, где она заняла довольно укрепленную позицию, но была встречена сильным и метким огнем со стороны инсургентов. В самом начале стычки, поручик Нуньес, командовавший испанским отрядом, был убит; это обстоятельство привело нападающих в замешательство и они хотели отступить перед карлистами, которые, пользуясь выгодами своей позиции, меткими выстрелами значительно опустошили ряды правительственного отряда. В это время один из капралов, поняв всю опасность критической минуты, заступил место убитого командира, ободрив солдат и быстрым натиском кавалерийской атаки выбил карлистов из позиции.

Принужденные выйти из своей укрепленной засады, карлисты не могли уже больше держаться против теснившего и сильнейшего числом неприятеля и обратились в бегство. Преследование испанской кавалерии разсыло всю шайку; больше половины ее осталось на месте. Предводитель шайки, Сабариего, вместе с немногими из карлистов, успел спастись от преследования и бежать за испанскую границу.

Провозглашение республики среди цветного населения острова Кубы.

Революция, возникшая на острове Кубы, со времени учреждения в Испании временного правительства, по изгнании бывшей королевы Изабелы все еще продолжается, хотя война за независимость острова и не отличается более прежним ожесточенным характером. Не смотря на успокоительные официальные телеграммы испанского правительства, почти о совершенном подавлении возмущения, успехи инсургентов, во внутренней части острова, почти несомнны; упорство и энергия, с которыми кубинские инсургенты отстаивают свою независимость, несмотря на постоянно прибывающих из Испании подкрепления правительственным войскам, имеют полное право на удивление и уважение всего света. Мужчины и женщины, молодежь и старики соперничают друг с другом в патриотической преданности отечеству и в готовности сражаться и умереть в войну с Испанией, за свободу и независимость острова. На полях битвы и на эшафоте, кубинцы выказывают одинаковую храбрость и непоколебимое мужество.

Не только бвое население, но и креолы, негры, храбро отстаивают свои вольности против испанских солдат. Когда революционная хунта провозгласила республику и уничтожение невольничества, все цветное население присоединилось к инсurreкции. Приложенный рисунок изображает момент, когда несколько революционных предводителей провозглашают близ Байамы, республику и уничтожение невольничества.

Ненависть кубинцев против испанской тирании и владычества слишком велика, а также велики преимущества и партизанской войны, которую ведут инсургенты, так что шансы для благоприятного окончания революции для Кубы слишком значительны, чтобы испанцы, даже при благоприятном исходе настоящих стычек с возмущившимся населением, могли бы рассчитывать на скорое и совершенное подавление возмущения. Между тем, возникшие переговоры между Испанией и Соединенными Штатами о покупке последних островов Кубы, хотя и не привели еще к окончательному результату, но и не прекратились. В недавнее время на остров Кубы возник проект о создании необходимой для выкупа суммы, по подписке, между богатейшими жителями острова. Североамериканское правительство обещало свою гарантию в исполнении всех условий. Но проект этот встретил со одной стороны сильное сопротивление со стороны испанских войск на Кубе; с другой стороны, главные предводители кубинского возмущения заявили свой протест против выкупа острова, надеясь завоевать его у Испании силою оружия.

СУДЬБА! *)

(Сцены из житейской комедии).

(Продолжение).

V.

Ах, как рада была Ксения, когда вырвалась, наконец, на волю из этих нарядных, но душных комнат, из этого богатого, но чужого для нея дома и очутилась одна, сама с собою, со своими мыслями! Ей редко случалось оставаться одной, а она это страстно любила. Вся дрожала от лихорадки нетерпеливости, с сильно бьющимся сердцем, торопливо пустилась она в путь. Под ногами хрустел только что выпавший снег, на небе ярко горели звезды; свежий, резкий воздух вливал какую то бодрость в ее нервы, ей было почти

*) См. № 38 и выше «Всем. Илл.»

весело, — хотя она не знала на что шла: — на худое или на хорошее.

Из приведенного нами обращения можно составить себе некоторое понятие о жизни Ксении в доме ее благодетелей. Это была, в некоторой степени, своего рода каторга. Бѣдная дѣвушка никогда не имѣла покоя. Ее безпрестанно тормошили дѣти, ее муштровала Марья Адриановна; она оставалась всегда виновата въ тѣхъ случаяхъ, когда не находилось виноватого; съ ней съ высока обходилась прислуга и каждый встрѣчный читалъ ей, иногда вовсе ни къ селу, ни къ городу, наставленья и поученья о томъ, какъ много дѣлаютъ для нея ея благодѣтели и какъ она за то должна любить, цѣнить и уважать ихъ. Небогатѣющія старушки завидовали каждой на ней тряпкѣ, потому что онѣ хотѣли бы однѣ, исключительно, пользоваться плодами щедрости Марьи Адриановны, и зорко слѣдили за Ксенией, съ христіанскою цѣлью перетолковать каждый ея поступокъ, каждое ея слово, въ дурную сторону. Ксения не анализировала своей жизни. Она была не довольно развита для этого. Воспитанная среди понятій патриархальнаго быта, она не только не думала разбирать поступки своихъ благодѣтелей, но сочла бы даже за грѣхъ одну мысль объ этомъ. Кормить, поить, одѣвать, учить! думала Ксения, — дѣлаютъ добро мнѣ, какъ же я могу осуждать ихъ? Я должна только молиться за нихъ Богу и любить ихъ. И она усердно, со всею жаромъ чистой и доброй души, молилась за нихъ Богу утромъ и вечеромъ, и въ церкви, и старалась всеми силами любить ихъ. Но тѣмъ не менѣе тяжело чувствовала она весь гнетъ своего положенія. У ней было довольно врожденнаго здраваго смысла и проницаемости, чтобы понять, что люди, которые дѣлаютъ ей добро — дѣлаютъ его холодно, безъ участія въ немъ сердца, какъ иногда работаютъ на заданную тему. Намъ скажутъ, можетъ быть, что не все ли равно, какъ ни дѣлать добро — лишь бы результатъ оправдалъ его, лишь бы была достигнута цѣль. Но въ томъ-то и дѣло, что бываетъ въ жизни человѣка, а особенно въ жизни женщины, такая пора, когда для нея ласковое слово, знакъ участія, словомъ всякое обращеніе къ ея душѣ, необходимѣе и дороже, и одежды, и крова, и даже куса насущнаго хлѣба.

Ксения съ радостью бы отдала всѣ свои кисейныя платья и носила бы самое простенькое; она удовольствовалась бы самой грубой пищей, вмѣсто роскошнаго стола ея благодѣтелей, — лишь бы только знала, что есть на свѣтѣ хоть одна душа, которая ее любитъ. Эти порывы чувства, бывають, слишкомъ настоятельны только въ ранней молодости. Жизнь все болѣе и болѣе охлаждаетъ ихъ и подъ старость остается ужъ только одна привычка къ людямъ, — чувство испаряется. Это страшное несчастіе. И оно преимущественно случается съ тѣми, съ чѣмъ сердцемъ спозаранку люди обошлись слишкомъ грубо. Поэтому-то мы и говоримъ, что бываетъ пора въ жизни, когда доброе слово, искренняя ласка необходимѣе куса насущнаго хлѣба. Ксения знала, что изъ окружающихъ ее только одна М-ле Адѣле, да маленькій Миша, хотя сколько-нибудь любили ее. Но Миша былъ ребенокъ, а М-ле Адѣле какъ ни жалѣла Ксению, но не всегда могла быть даже справедливой въ отношеніи къ ней. У гувернантки, живущей трудами, въ домѣ Воробьевыхъ, на первомъ планѣ, стоялъ свой собственный интересъ, а Марья Адриановна дулась на М-ле Адѣле даже тогда, когда она ставила Ксению за уроки балы лучше, чѣмъ Капочкѣ. И то М-ле Адѣле выказывала ужъ слишкомъ много самоотверженія, когда вступалась иной разъ за Ксению, если Капочка, или кто другой изъ домашнихъ, обижалъ ее. Оставался только еще одинъ человѣкъ, любовь котораго, если не вознаградила бы Ксению за ея тяжелую жизнь, то все таки значительно облегчила бы ее. Этотъ человѣкъ былъ ея отецъ. Матвѣй Дмитриевичъ любилъ дочь. Но, во первъ, онъ былъ мѣжчина и любилъ по мужскому, т. е., гораздо болѣе думая о своихъ дѣлахъ и о собственномъ благоустройствѣ, нежели о томъ — счастлива-ли Ксения, или нѣтъ, и что ей именно нужно для счастья. Во вторыхъ, онъ былъ изъ среды того патриархальнаго быта, который окружалъ и Ксению. Онъ зналъ, что дочь его обижаетъ, потому что ей случалось, даже и безъ намѣренія, проговариваться объ этомъ при немъ. Ему было жалъ ее. Онъ злился за это на Воробьевыхъ и, еслибъ имѣлъ средства доставить ей такое же воспитаніе, какъ они, и возможность дать ей то приданое, которое они обѣщали, то сейчасъ же бы взялъ ее отъ нихъ. Но такъ

какъ дѣла его были въ очень плохомъ состояніи, то онъ разсуждалъ такъ: «черти! богаты, такъ оттого и куражатся. Эхъ! кабы деньги, задавъ бы я имъ форсу! а теперь, что тутъ подѣлаешь! больше ничего, какъ надо потерпѣть до поры до времени. Выростетъ, выучатъ, да выдадутъ за-мужъ — такъ тамъ и развяжется съ ними. Куражься ужъ они сколько хотятъ тогда, а надъ ней только одна глава — мужъ будетъ! А и то сказать, кому-жъ на этомъ свѣтѣ терпѣть не приходилось?» И начиналъ онъ припоминать, какъ самъ онъ терпѣлъ отъ хозяйна лавки, когда жилъ у него въ мальчикахъ; какъ терпѣлъ нужду и всякія лишения тотъ, или другой изъ его знакомыхъ, или пріятелей, когда въ люди пробивался; какъ терпѣла знакомая ему, теперь уже вдова, нѣкая Арина Арефьевна Елезарова отъ своего пьяницы мужа, брань и побои, — и прेमного утѣшали его эти воспоминанія. «Что-жъ», заключалъ онъ свои размышленія относительно Ксении, — «вѣдь не бытъ же ее тамъ, не голодомъ морятъ, не заставляютъ тяжелой работы дѣлать, — форсятъ только, да куражатся. Такъ когда же богатые не форсятъ! Налевать на это. Потерпѣть, — за то послѣ хорошо будетъ». Матвѣй Дмитриевичъ часто даже высказывалъ Ксении эти свои разсужденія и она находила, что онъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что-жъ ему было дѣлать, хотя бы ея и обижали у Воробьевыхъ, если она вполне заискала отъ нихъ? Думала иногда бѣдная дѣвушка, что одно существо приняло бы горячо къ сердцу всякое ея горе, всякую скорбь, всякую радость. Но это существо давно уже лежало въ могилѣ. Ксения чуть-чуть помнила свою мать. Но она помнила ея ласки и сохранила объ ней самое отрадное воспоминаніе. Часто случалось ей задумываться о покойницѣ и горько сожалѣть, зачѣмъ она умерла такъ рано. Для нея, теперь именно, настала та пора, когда сердце рвется въ груди отъ избытка чувства — а никому, на этомъ свѣтѣ, не было нужды до этого чувства. Когда Юлія Васильевна стала невѣстой, то написала своей будущій подчерицѣ очень ласковое и нѣжное письмо, въ которомъ краснорѣчиво описывала свои чувства къ дочери своего будущаго мужа и обѣщала любить ее, какъ родную дочь. Письмо это подняло въ головѣ и сердцѣ Ксении сильную тревогу. Она и ждала, и надѣялась, и желала. «Что-жъ, размышляла она, въ чистотѣ и справедливости своего добраго и правдиваго сердца. — если она добрая, такъ, конечно, будетъ любить меня. Вѣдь любить же она папу, когда выходитъ за него замужъ. А если любить его, то какъ же не любить меня — когда я его дочь? Только добрая ли она, вотъ что?» И надъ этимъ вопросомъ подолгу думала Ксения. Онъ безпрестанно возстаивалъ въ ея умѣ, мѣшалъ ей учиться, мѣшалъ думать о чемъ-нибудь другомъ. Ей чрезвычайно хотѣлось, чтобы отецъ взялъ ее на свадьбу, для того чтобы поскорѣй познакомиться съ будущей мачихой. Но Матвѣй Дмитриевичъ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ и лишней помѣхи, не взялъ ее. Тогда она съ нетерпѣніемъ стала дожидаться, когда онъ опять пріѣдетъ въ К... уже съ женой. Весь этотъ день, въ который познакомилась мы съ ней, провела она въ тревогѣ непрерывнаго ожиданія. Она знала, что они непременно пріѣдутъ сегодня и, еслибъ только это было въ ея волѣ, забралась бы съ самаго ранняго утра въ квартиру, которую нанялъ Матвѣй Дмитриевичъ для своей новой семейной жизни. Но она не смѣла не только попросить, даже намекнуть о томъ, чего ей хотѣлось и цѣлый день, до самой той минуты, когда очутилась на улицѣ, была какъ на горячихъ угляхъ. За то и бѣжала же она такъ, что Гаврило, кухонный мужикъ, котораго дала ей въ провожатые Марья Адриановна, насилу поспѣвалъ за ней. Вотъ ужъ не далеко! еще только завернуть за уголъ, пройти нѣсколько шаговъ... Она завернула за уголъ и увидѣла довольно яркій свѣтъ въ окнахъ квартиры, куда должны были пріѣхать молодые. Сердце ея забилось такъ сильно, что у ней почти захватило дыханіе. Она обѣжала съ тротуара на середину улицы и стала смотрѣть. Да, пріѣхали! Окна, которыми она смотрѣла были во второмъ этажѣ. Она хорошо видѣла, какъ въ одной комнатѣ, на столѣ, горѣла большая лампа, съ бѣлымъ шаромъ, которая и разливала этотъ яркій свѣтъ. Въ другихъ комнатахъ горѣли свѣчи; въ одной, у образовъ, теплилась лампада. Въ комнатахъ было какое-то суетливое движеніе: устанавливали мебель. Юлія Васильевна, кромѣ той щегольской мебели для гостиной, которую подарилъ ей дядя, навезла еще не мало разныхъ этажерокъ, диванчиковъ, козетокъ, кушетокъ и проч. Воля была своя, деньги свои, а у мебельныхъ мастеровъ столько прелестныхъ вещей! Ксения разсмотрѣла, между двигавшимися по комнатѣ людьми, фигуру своего отца. «А вотъ и она? вотъ, вотъ! Но Ксения не могла хоро-

шенько разсмотрѣть ея лица. Скорѣй, туда къ ней! — Ахъ, Боже мой! Боже мой! будетъ ли она меня любить? и она стрѣлою пробѣжала чрезъ калитку во дворъ и на верхъ по лѣстницѣ. Двери изъ сѣней въ переднюю еще были отворены послѣ послѣдней принесенной вещи. Ксения вошла въ переднюю. Сначала ея никто и не замѣтилъ. Матвѣй Дмитриевичъ и Юлія Васильевна стояли въ первой комнатѣ передъ маленькимъ диванчикомъ и вели между собой толкъ о томъ, къ какой стѣнѣ лучше его поставить. Въ дверяхъ два молодца, носившіе мебель, дожидали на чѣлкѣ. Ксения сняла свой ватный салопъ и робко вошла въ залъ. Матвѣй Дмитриевичъ не видалъ ее. Онъ былъ слишкомъ увлеченъ постановкой дивана. Но Юлія Васильевна замѣтила ее и тотчасъ подлѣтѣла съ радостнымъ лицомъ и всегдашней своей беззастѣнливостью.

— Ахъ, Ксеничка! заговорила она, схвативъ ее за обѣ руки и радостно пожимая ихъ, я васъ сейчасъ узнала по карточкѣ, которую вы мнѣ прислали. Какъ я рада, что наконецъ я вижу васъ! Папа, папа, — Ксеничка! обратилась она къ Матвѣю Дмитриевичу. Поцѣлуйте же меня. Вы меня не бойтесь, ничего что я мачиха! заговорила она, опять обратясь къ Ксении. Я васъ буду любить — не буду злой мачихой. Дайте, я вамъ сниму шляпку. И она развязала ленты у шляпки Ксении, сняла ее и поцеловала Ксению. Все это дѣлала она, какъ и всегда, проворно и суетливо. Матвѣй Дмитриевичъ подошелъ къ дочери.

— Ну, здравствуй, Ксения, здравствуй, проговорилъ онъ, между тѣмъ, какъ дочь, по патриархальному обычаю, цаловала у него руку. Здорова-ли? Вотъ рекомендую тебѣ, обратился онъ къ Юліи Васильевнѣ, прошу любить, да жаловать.

— Ахъ да, папа! я буду любить ее, какъ мать; и Юлія Васильевна, опять съ какой-то не материнской игривостью и рѣзвостью, положила руку на шею Ксении и чмокнула ее въ губы.

— Поцалуй руку у мамаша, прошептала Матвѣй Дмитриевичъ дочери.

Ксения хотѣла взять руку у своей новой мамаша, но Юлія Васильевна не допустила.

— Ахъ нѣтъ, не надо, не надо! заговорила она, лучше такъ меня поцалуйте. И она въ третій разъ чмокнула подчерицу.

— Ты смотри, произнесъ Матвѣй Дмитриевичъ, полунаставительно, полусуетливо обращаясь къ дочери, — люби мамашу, она добрая.

— Пойдемте, душечка, въ гостиную, тамъ ужъ все въ порядкѣ, произнесла Юлія Васильевна и, обнявъ Ксению за талію, какъ дѣлаютъ это между собой пансіонскія подруги, повела ее въ сосѣднюю комнату. Не правда ли какъ мы мило устроились? Вамъ нравится? Папа, папа! заговорила она, выпустивъ Ксению прежде, чѣмъ та успѣла отвѣтить и заглядывая въ залъ, — ты бы, право, переставилъ эту этажерку, вотъ въ этотъ уголъ.

— Куда, душечка? спросилъ Матвѣй Дмитриевичъ, торопливо прибѣжавшій на ея зовъ.

— Вотъ туда! повторила Юлія Васильевна, указавъ пальцемъ въ уголъ. Тамъ больше мѣста у окна будетъ, а то неловко сидѣть подлѣ него въ большомъ креслѣ, — тѣсно очень.

Матвѣй Дмитриевичъ принялся исполнять ея желаніе. Этажерка была уже въ установленнаго разными пустяками. Пришлось все снимать. Юлія Васильевна сама занялась этимъ, Ксения помогала ей.

— Ну, ладно. Вы пока снимайте, а я пойду дамъ на чай работникамъ, проговорилъ Матвѣй Дмитриевичъ. У себя дома и послѣ свадьбы онъ пересталъ уже быть ежеминутно на сторожѣ, съ самимъ собою, относительно изысканныхъ манеръ, которыя требовались отъ него, чтобы быть мужемъ такой развѣдочной дѣвочки, какъ Юлія Васильевна — и онъ, по старой привычкѣ, употребилъ слово — ладно. Это слово привело Юлію Васильевну въ ужасъ.

— Ахъ, папа, ради Бога! вскричала она скорчивъ гримаску, которую воображала очень граціозной, не говори никогда этого слова, что за «ладно»!

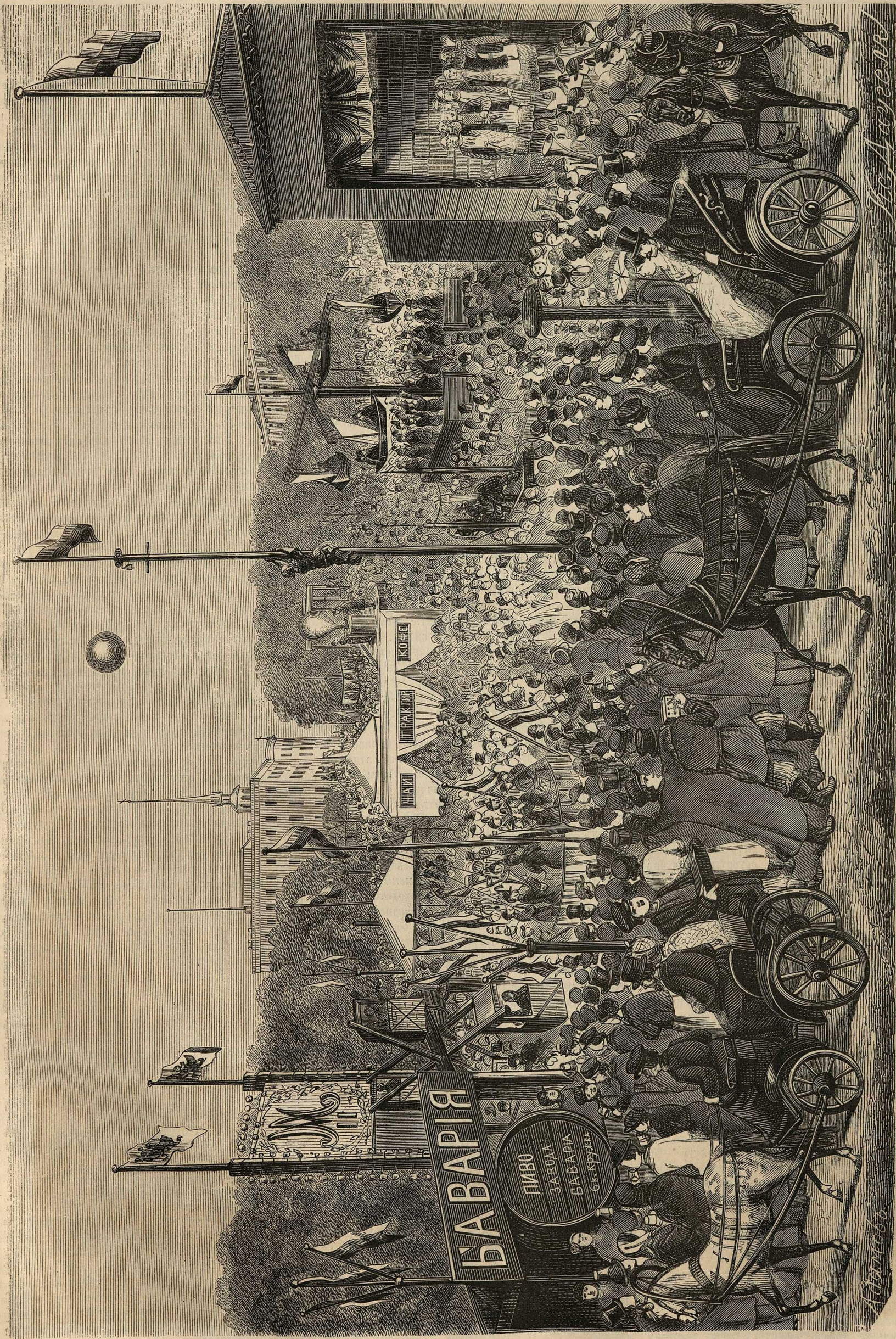
— Ну, не буду, не буду, разлапушка ты моя! произнесъ лукаво Матвѣй Дмитриевичъ, теперь уже не безъ намѣренія, ввернувъ это плебейское выраженіе. Ему также хотѣлось приучить жену немножко къ своимъ манерамъ — какъ ей, его къ своимъ. Надоѣстъ, вѣдь, жить вмѣстѣ, когда надо вѣчно быть на сторожѣ.

— Ахъ, еще разлапушка! взвизгнула Юлія Васильевна, всплеснувъ руками и закрывъ ими лицо. Откуда ты это берешь, папа? А, да ты это нарочно! сказала она, вдругъ взглянувъ на него. Матвѣй

Памятникъ Екатерины Великой, работы М. О. Микѣшина.

(Рисов. на деревѣ К. Броу; рѣзалъ на деревѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ).

С.-Петербургъ: Народные праздники на Царицыномъ лугу, 26 и 30 Августа.
(Рисов. А. О. Ламоновъ; рѣзаны на деревѣ А. Давидовъ).

Дмитріевичъ хотѣлъ. Испугъ обѣжалъ съ лица Юліи Васильевны и она также улыбнулась.

— Не называй меня такъ никогда и въ шутку, прибавила она. Зови меня просто Julie, это всего лучше. Матвѣй Дмитріевичъ ушелъ въ другую комнату.

— Я васъ давно хотѣла видѣть, заговорила опять Юлія Васильевна, съ любезной улыбкой повернувшись къ Есеніи. Мнѣ хочется такъ много поговорить съ вами обо всемъ, обо всемъ! разспросить васъ, какъ вы тамъ у Воробьевыхъ?... Вотъ сейчасъ, сейчасъ только съ этой этажеркой кончимъ. Тогда мы сидѣмъ на канapé, вотъ здѣсь и потолкуемъ, а папа велитъ самоваръ поставить.

(Продолженіе будетъ.)

Народные праздники 26-го и 30 августа.

Народные праздники, въ томъ видѣ, какъ они теперь устриваются на Царицыномъ лугу, завелись у насъ недавно. Починъ въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ г. с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру, генералъ-адъютанту Ө. Ө. Трепову.

Обыкновенно пустынный и печальный, Царицынъ лугъ преобразается въ дни народныхъ празднествъ. Строятся палатки, карусели, качели; водружаются шесты; воздвигается народный театръ, или вѣрнѣе сцена для него: зрители помѣщаются стоя, на открытомъ воздухѣ. Отъ пивныхъ заводовъ высылаются бочки-сороковки; колбасникъ-нѣмецъ помѣщается неподалеку отъ такой бочки и предлагаетъ по лавочнымъ цѣнамъ горячія сосиски и колбасы. Весь лугъ кишитъ народомъ.

Въ два часа подымается флагъ надъ главной палаткой—знакъ, что гулянье началось. Всѣ, имѣющіеся на лицо, оркестры грянули «Боже, Царя храни!» Толпа разбѣсилась, кто у шестовъ, кто у театра, кто около пѣсенокъ. Любители театральнаго зрѣлища задолго тѣснятся у сцены театра и нетерпѣливо ждутъ представленія «Филатки и Мирошки». Вотъ, наконецъ, запавшая поднялась. Фарсъ разыгрывается весьма бойко.

— Ни дать, какъ наши деревенскіе, поощряетъ лавочникъ артистовъ.

И дѣйствительно, мужики на сценѣ похожи на мужиковъ; солдатъ весьма изрядно произноситъ чувствительный монологъ; графъ является на сцену съ папирской въ зубахъ и въ пиджакѣ съ короткими рукавами, стараясь подражать изящнымъ манерамъ г. Пронскаго, великаго, какъ извѣстно, мастера изображать графовъ и маркизовъ. Женскій персоналъ оказывается нѣсколько слабѣе. Хоръ въ заключеніе недурно поетъ: «Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза». Жаль только, что весь фарсъ не совсѣмъ удачно урѣзанъ, подобно рукавамъ графскаго пиджака. Мы весьма внимательно слѣдили за представленіемъ, но сущность сюжета, тѣмъ не менѣе, ускользнула отъ насъ. Публика слушала очень внимательно, покрывая остроты комиковъ дружнымъ смѣхомъ и замѣчаніями, не лишонными остроумія. Словомъ, вела себя, какъ слѣдуетъ всякой публикѣ. Невольно пожалѣешь, что народныя представленія даются урывками и что нѣтъ въ этомъ дѣлѣ желанной свободы. Если бы не театральная монополія, то, конечно, у насъ развелось бы много маленькихъ и дешевыхъ театровъ. Покуда, слѣдовало бы, кажется, давать представленія за дешевую плату въ дни народныхъ праздниковъ, напр. хоть въ циркѣ, что у Александринскаго театра. Онъ, кстати, пустуетъ уже третій годъ. На такой сценѣ, какъ сцена цирка, дѣло можно бы повести серьезно. Мы думаемъ даже, что нашлись бы охотники писать для такого театра; дѣло въ томъ, что для такихъ народныхъ зрѣлищъ наши театральныя пьесы не совсѣмъ подходятъ, и очень вѣроятно, что на нихъ выработается совершенно особый типъ пьесъ.

Отъ театра, высшего увеселенія на лугу, перейдемъ къ другимъ, нисшимъ. Гимнастическія упражненія занимаютъ между ними первое мѣсто. Лапти на шесты за призами является много охотниковъ. Толпа съ живымъ сочувствіемъ слѣдитъ за лазунами, награждая одобрительными криками ловкихъ и смѣясь надъ неумѣлими. Высшимъ искусствомъ у лазуновъ считается—взобраться на перекладину шеста и выкинуть тамъ какое нибудь колѣно, а затѣмъ уже позвонить въ колоколъ, въ знакъ, что долѣзъ до верха. На меньшемъ шестѣ упражняются подростки.

— Глянь ка, говоритъ купчиха своему толстому сожителю, вѣдь это Пивоваровыхъ мальчишка, Өедька, такъ лонко лѣзетъ.

— Ну, гдѣ Өедькѣ! сомнѣвается сожитель.

— Право-же, онъ! Погляди хорошенько.

Но сожителю лѣнь повернуть голову и онъ упорно отрицаетъ искусство Пивоваровскаго Өедьки. Между супругами возгорается ссора, а Өедька, или кто другой, долѣзъ, тѣмъ временемъ, до перекладины, повисъ на ней, подрыгалъ надъ публикой ногами и быстро спустился внизъ за получениемъ награды.

Награды раздаются у главнаго павильона. Счастливцы поочередно получаютъ, кто платѣ, кто рубль серебра. Жаль только, что нѣкоторые, при полученіи награды, очень усердно выражаютъ свою благодарность, и отвѣщаютъ гг. раздающимъ призы земные поклоны. Это дѣлаютъ далеко не всѣ и, сколько помнится, въ прошлые года такихъ низкопоклонниковъ не было. Гг. гласные, подводящіе къ павильону призовиковъ, поступили бы весьма благоразумно, еслибъ внушили имъ, какъ неприличны и безобразны такіе поклоны. Земные поклоны возбуждаютъ презрѣніе въ толпѣ.

— Эхъ, дуракъ, обрадовался, что новые портки надѣлъ! разсуждаютъ зрители.

Самое веселое изъ гимнастическихъ упражненій безъ сомнѣнія, такъ называемый *бѣгъ подъ ведромъ*. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы, стоя на дрогахъ, когда онъ проѣзжаютъ подъ ведромъ съ водою, попасть заостреннымъ концомъ шеста въ круглое отверстіе въ доскѣ, прибитой ребромъ къ ведерному дну. Все дѣло въ мѣткости глаза и вѣрности руки; повидимому въ кружокъ попасть немудрено, а въ сущности труднѣе, чѣмъ взлѣзть на высокой шестъ. Въ этомъ дѣлѣ упражняются всѣ; мальчишка-подростокъ становится на дроги, и еще лошадь не успѣла тронуть, какъ онъ размахался шестомъ. Конечно, онъ въ дыру не попадетъ, а ударитъ сильно по доскѣ: ведро перевернется и окатитъ его водою. Общій смѣхъ. Вслѣдъ за мальчишкой на дрогахъ помѣщается мужичина-великанъ, по видимому мясникъ. Онъ еще сильнѣе ударитъ по доскѣ, еще сильнѣе окатитъ его водой изъ ведра, и еще сильнѣе смѣхъ зрителей. Среди общаго смѣха и говора, только хозяинъ дрогъ сохраняетъ невозмутимое спокойствіе. Онъ не только не улыбнется, но чѣмъ больше смѣху, тѣмъ онъ становится мрачнѣе, видимо презирая праздныя забавы. «Смѣйтесь-молъ, дураки, а я денежки зарабатываю».

Замѣтимъ кстати, что и гимнастическія упражненія не дурно бы разнообразить. Отчего бы не устроить напр. бѣга въ перегонку, и т. п. У насъ, вообще, мало обращаютъ вниманія на гимнастику, которая теперь въ такой модѣ во всей западной Европѣ. Тамъ устриваются цѣлые съѣзды гимнастеровъ, состязанія между различными обществами. У насъ же и попытокъ составить подобное общество не было.

Намъ остается прибавить, что народные праздники всегда веселы, оживлены и чинны. Пьянаго на лугу вы не увидите, чѣмъ сильно огорчены репортеры *Вѣсти* и *Новаго Времени*; бѣдняжки, имъ на слѣдующій день не приходится повторить общихъ мѣстъ на счетъ безнравственности русскаго мужика. Это тѣмъ болѣе оскорбительно, что въ типографіяхъ сказанныхъ редакцій постоянно стоятъ въ наборѣ и чуть ли не отлиты стереотипомъ избитыя, отъ частаго употребленія, самыя забористыя фразы о пьянствѣ и безобразіи русскіхъ людей.

Гулянье длится до поздняго вечера, и гуляющіе расходятся по домамъ, весьма довольные и весьма благодарные. «Спасибо Государю!» «Спасибо Өедору Өедоровичу (генер. Трепову)!» слышатся крики въ толпѣ.

Московскіе дачи и дачники.

III. (*)

Богородское.

Тотчасъ-же за Сокольниками начинается другая характерная московская дача—Богородское. Между этими дачами протекаетъ небольшая рѣчка, Жуза, и къ берегу ея съ той стороны спустилось нѣсколько фабрикъ и заводовъ, которые и составляютъ первый планъ вида на Богородское. Физіономія этой дачи, не смотря на близкое сосѣдство Сокольниковъ, носитъ ни себѣ совершенно иной характеръ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по нравамъ и обычаямъ, укоренившимся въ этой деревенькѣ съ давнихъ поръ. Здѣсь нѣтъ ни этихъ разукрашенныхъ дачъ въ китайскомъ вкусѣ, которыми такъ

изобилуетъ сокольническое Шириное поле, ни готическихъ зданій и полузамковъ Лучевого-просѣка. Это сѣренькая масса домиковъ и двориковъ, общій видъ которыхъ сильно напоминаетъ постройки монастырскихъ келій: тѣ же подсадишники, съ однимъ деревцомъ и кустикомъ, тѣ же надстроенные мезонины, ветхіе балкончики на дворъ и проч. Все это сплочено въ кучу и раздѣляется только узенькими переулочками, такъ что дачники, живя изъ окна въ окно, черезъ аршинную улицу, получаютъ возможность, вовсе не усиливая голоса, вступать въ оживленныя бесѣды другъ съ другомъ, безъ особенныхъ затрудненій передаютъ чашку чаю, папиросы, книгу. Это удобство, конечно, много способствовало къ развитію общительности въ средѣ богородскихъ жителей, но оно же, съ другой стороны, иногда служитъ причиною возникновенія скандаловъ или, какъ ихъ называютъ здѣсь, «безпокойствъ»...

Таковъ видъ одной части Богородскаго, называемой «Лѣсниками». За просторною зеленою площадью начинается деревня, широкая улица которой вытянута въ прямую линію; будка, которая выползла на дорогу на срединѣ улицы, представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ обсерваторіоннаго пункта. Дачникамъ съ обоихъ концовъ улицы отчетливо видно,—какъ высмаркивается будочникъ, какъ онъ закуриваетъ свою трубочку, а иногда даже является возможность безошибочно заключить о томъ, какой способъ будочникъ считаетъ наилучшимъ для пріученія своей супруги къ вѣрности и послушанію.

Богородское было возведено на степень дачи лѣтъ 13-ть тому назадъ, когда одинъ изъ московскихъ профессоровъ избралъ эту деревеньку своей лѣтнею резиденціей. Вслѣдъ за нимъ стали переѣзжать сюда студенты—въ одиночку, компаніями и съ семействами и нѣсколько лѣтъ назадъ Богородское имѣло характеръ исключительно студенческой дачи. Въмѣстѣ съ студентами водворились на этой дачѣ дешевизны и разнообразныя жизненныя удобства, которыя стали привлекать сюда все больше и больше людей, жаждающихъ въ одно и то же время и дачи на лѣто, и дешевизны. Общительность и бойкое веселье, которому предавались здѣсь дачники, придали Богородскому почти ту же физіономію, которую имѣетъ Тверской бульваръ между другими московскими бульварами. Теперь уже, кромѣ студентовъ, живетъ здѣсь много самой разнообразной публики, хотя тонъ всему, по прежнему, продолжаютъ задавать студенты.

Вслѣдствіе такого исключительнаго господствующаго положенія студентовъ, здѣсь образовался теперь особый типъ *молодого человека*, слышущаго между всѣми за студента и въ концѣ концовъ оказывающагося или юнымъ чиновникомъ, или просто такъ молодымъ человекомъ. Для большаго правдоподобія онъ большею частію приобретаетъ такой видъ: широкое пальто, надежная палка, длинные волосы и высокая мягкая шляпа съ широкими полями, которая въ одно и то же время придаетъ ему видъ, и итальянскаго бандита, и факельщика съ похоронъ. Послѣ образованія въ Богородскомъ этого типа, количество всевозможныхъ исторій и «безпокойствъ» значительно увеличилось.

Сборнымъ пунктомъ для дачниковъ служитъ расчищенное и огороженное мѣсто въ Лѣсникахъ, которое извѣстно болѣе подъ именемъ «богородской плѣши» и здѣсь-то именно проносятся всѣ игры и забавы жителей. Иногда даются балы по подпискѣ и тогда, на имѣющейся здѣсь сценѣ, играетъ оркестръ полковой музыки. Танцы здѣсь чрезвычайно веселы и оживлены: кавалеры отличаются неутомимостью, дамы и дѣвицы обнаруживаютъ большую задумчивость. Всякій разъ, какъ мнѣ случалось бывать въ Богородскомъ, и всегда находилъ здѣсь массу веселой и оживленной публики. Если нѣтъ бала, тотчасъ устривается «семейный вечеръ», называемый такъ, вѣроятно, потому, что какое-то семейство всегда соглашается отпустить на этотъ вечеръ свой рояль. Нѣсколько молодыхъ людей тащатъ этотъ рояль на своихъ плечахъ, кто нибудь изъ нихъ-же садится за него и начинаются танцы. Другой разъ мнѣ удалось слышать, какъ съ той же сцены какой-то юноша въ парусинномъ пальто, неожиданно открывшій въ себѣ талантъ пѣть какія то *комическія* пѣсни, потѣшалъ публику различными—«пожалуйста ѣхай на дрофѣ» и «финти-флюшки-финтифлю!»... Публика смѣялась, но трудно было разобрать надъ нимъ, или надъ пѣсней. Однажды здѣсь ожидался даже полетъ громаднаго воздушнаго шара; на вывѣшенномъ объявленіи было

*) См. № 35 и выше «Всем. Иллюстр.».

крупно написано: «платя по силе возможности». Шарь, однако, не полетѣлъ, такъ какъ учредителю сего увеселенія было поставлено на видѣ, что, безъ разрѣшенія оберъ-полицеймейстера, ничто близъ Москвы летать не можетъ, не взирая на какую-бы то ни было силу возможности; если же и летаютъ птицы, такъ это единственно потому, что онѣ дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ, хотя правда, по собственному побужденію, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

Самую характерную черту дачной жизни Богородскаго составляютъ безпрестанныя исторіи и скандалы, безъ которыхъ не обходится подъ конецъ лѣта почти ни одного вечера. Всѣ эти «безпокойства» разрѣшаются обыкновенно на сборномъ пунктѣ Богородскаго, въ присутствіи и при непосредственномъ вмѣшательствѣ публики, вслѣдствіе чего и безъ того бурный характеръ ихъ значительно увеличивается. Поводомъ къ нимъ бываютъ почти всегда самыя незначительныя обстоятельства.

Какой-нибудь мрачный господинъ, подобно дяволу, позавидовавшему нѣкогда блаженству первыхъ человѣковъ, вдругъ почувствуетъ въ себѣ злобу, при видѣ этой безмятежно веселящейся молодежи. Прибодривъ себя значительной порціей сердце-веселящаго напитка, онъ является на это сборное мѣсто. Веселье и танцы уже въ самомъ разгарѣ: около женскихъ личекъ, какъ бабочки, порхаютъ вѣтра, молодые кавалеры прохаживаются, снявъ шляпы и вытираясь платками... Мрачный господинъ выбираетъ двухъ болѣе одушевленныхъ кавалеровъ, начинаетъ неотступно ходить за ними и безпрестанно наступать имъ на ноги. Они оглядываются и съ немалымъ изумленіемъ смотрятъ на преслѣдующаго ихъ господина, который стоитъ покуривъ голову и молчитъ. Молодые люди отходятъ въ сторону, но тотъ слѣдуетъ за ними и черезъ минуту повторяется та же исторія.

— Позвольте узнать, что вы, сумасшедшій? Для чего вы ходите по нашимъ пяткамъ?

— Ш-тоо?...

— По ногамъ зачѣмъ ходите?...

— А... я съ вами не знакомъ!

— Вотъ болванъ!... Господа! Алѣевъ! Жабинъ! обращаются они къ публикѣ.—Сдѣлайте одолженіе... что же это?... Вотъ г-нъ по ногамъ ходитъ.

— Кто такой? Гдѣ? Позвольте! шумитъ собравшаяся толпа.

— Какъ вы смѣете безобразничать?... а?... Ваша фамилія?...

— От-станьте...

— Нѣтъ ужъ, извините... Кто вы такой?...

— Г-да, скажите дамамъ, чтобы не безпокоились!...

— Што вы пристали ко мнѣ?... Я не по вашимъ ногамъ ходилъ?... Къ чему вы тутъ...

— Вы, оселъ! не понимаете, что это публично... Все общество оскорблено!...

— Да-да-да... значитъ, вы образованные?... Я съ вами не знакомъ!...

— Нѣтъ, братъ, этимъ не отдѣлаешься. Г-да, тащите его!...

Присмирѣвшія дамы начинаютъ опасаться за свою безопасность, но кавалеры успокоиваютъ ихъ, музыка громче обыкновеннаго играетъ ритурнель и общество снова отдается веселью. Юноши суетятся, приглашаютъ дамъ на лансѣ, на кадрили, визави, а черезъ минуту—глядяшь—опять «безпокойство».

— Вотъ, г-да, какъ вамъ нравится поступокъ? говорить кто-то, таща за бортъ сюртука сконфуженнаго дачника:—просить меня визави,—я, натурально, соглашаюсь, ангажирую даму... и, представьте! онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно танцуетъ себѣ съ какимъ-то пациентомъ кумысолечебнаго заведенія!

— Не рационально!... что-жъ это вы?... обращаются къ дачнику.

— Вообразите, говорить:—«онъ мнѣ родственникъ»... Какой-то золотушный господинъ въ нанковомъ пальто... Какое мнѣ дѣло?...

— Фактъ требуетъ разъясненія... Какъ ваша фамилія?...

— Г-да, успокойте дамъ! Сейчасъ кончимъ...

— Вы должны извиниться публично!...

Музыка молчитъ, танцы прекращены, дамское общество также присмирѣло и матери собираютъ около себя дочерей.

— Не отходите вы отсюда! Что за любопытство такое?... еще, Богъ-знаетъ, чего послушаетесь...

— Вѣдь вотъ, сколько разъ зарекалась—говоритъ

какая-то дама:—здѣсь жить совсѣмъ нельзя!—постоянное безпокойство!...

— Нѣтъ, я на будущій годъ—ни за-что! ни за-что!... отвѣчаетъ другая, хватая себя за голову.

Всѣ споры, объясненія, недоразумѣнія, возникающіе между дачниками, непремѣнно разрѣшаются на сборномъ пунктѣ, на этой «богородской плѣши», какъ прозвали его сами дачники. Всѣ стараются въ каждой исторіи принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Всегда заранѣе можно предсказать, что готовится новое «безпокойство». Кучка молодыхъ людей, горячо обсуждая что-то, бродитъ взадъ и впередъ на огороженномъ мѣстѣ и видимо поджидаетъ кого-то. Всторонѣ, поодаль отъ нихъ жмутся и перешоптываются дамы и дѣвицы, косо поглядывая на взволнованную группу; нѣкоторые изъ дамъ поспѣшно уходятъ домой... Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, появляется сюда какой-то дачникъ. Тотчасъ-же изъ толпы выдѣляется юноша съ внушительной палкой и направляется къ нему. Толпа окружаетъ ихъ.

— Позвольте узнать, спрашиваетъ юноша, заложивъ одну руку за бортъ пальто:—по какому праву вы какъ-то на-дняхъ хотѣли избить меня хлыстомъ?...

— Что-жъ это вы хватились такъ поздно? Вы-бы тогда-то...

— Ну, ужъ это не ваше дѣло! Я тогда съ дамами былъ... Не бросить-же мнѣ ихъ для того, чтобы раздѣлаться съ нахаломъ!...

— Ш-што? Какъ вы смѣете...

— Г-да, въ алею!... въ алею! Здѣсь дамы...

И такъ почти каждый день. Чѣмъ разрѣшаются эти ссудбища въ алеяхъ извѣстно только посвященнымъ и болѣе или менѣе чувствительно заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Но, уже долго спустя, когда мнѣ случалось проходить мимо того мѣста, гдѣ собиралась ватага, мнѣ всегда казалось, что стоявшіе тамъ деревья все еще продолжали какъ-то укоризненно покачивать своими вершинами, будто они хотѣли пристыдить кого.

Въ послѣднее время одно изъ богородскихъ безпокойствъ чуть-чуть-было не возросло даже до трагическаго; поговаривали о дуэли; въ московскихъ газетахъ появились извѣстія и замѣтки о скандалѣ въ Богородскомъ. Гласность уже была, что называется, въ полномъ разгарѣ: богородскіе дачники, по поводу разглашенной исторіи, разбили на партіи и наперерывъ посылали въ газеты опроверженія, подтвержденія, замѣтки и рассказы очевидца,—какъ вдругъ полилъ дождь, и зарядилъ на долго. Дачники, испуганные быстро-наступившими холодами, облеклись въ болѣе положительные покровы и, поджидая, что вотъ-вотъ прояснится и выглянетъ солнышко, не думали было прекращать своей взволнованности. Но солнышко обмануло и, сдѣловательно, исторія не могла получить дальнѣйшаго развитія; подогнувъ и пожившись еще денечка два, дачники должны были наконецъ совсѣмъ позабыть о случившемся, прекратить жизнь на лѣтнемъ положеніи и, возможно скорѣе, перебраться въ городъ.

А. С.—ъ.

Очерки Крыма. *)

(Окончаніе).

Соляныя озера.—Выволочка соли.—Сакскія грязи.

Ко всѣмъ благамъ, которыми природа такъ щедро надѣлила крымскій полуостровъ, слѣдуетъ причислить еще громадные соляныя самосадочныя озера, находящіяся въ уѣздахъ: Перекопскомъ, Евпаторійскомъ, Феодосійскомъ и озеро Геническое. Соляныя озера въ Крыму составляютъ собственность казны, но казна сама не занимается уже болѣе выволочкою соли, какъ дѣломъ несподручнымъ и даже убыточнымъ; солесадочныя озера въ Крыму отданы въ аренду частныхъ лицъ, за плату, по одной копѣйкѣ съ каждаго выволоченнаго пуда, каковой доходъ, не представляя дефицита по владѣнію озерами, исправно поступаетъ въ доходъ казны.

Соль, на самосадочномъ соляномъ озерѣ садится сплошною массою, по дну озера, начиная съ береговъ. Въ самое сухое лѣто соль покрываетъ все дно озера, сплошною кристалическою массою вершка въ два, три и даже четыре.—Это урожай обильный; въ дождливое же лѣто соль садится только около береговъ и толщина сѣвшей соли не доходитъ болѣе 2 вершковъ:—урожай посредственный и даже плохой. Время для садки соли начинается въ концѣ іюля, а при бездождьѣ, продолжается по-

чти до конца августа. Работа на выволочкѣ соли чрезвычайно тяжела и утомительна: сплошную массу сѣвшей соли требуется разбить въ куски, сгрести въ маленькія кучи и затѣмъ вывезти на тачкахъ на берегъ и уложить въ бугоръ. Бѣлая рапа озера (соленая вода оставшаяся въ озерѣ), выдѣлившая соль, раздѣдаетъ босыя ноги рабочихъ, до страшныхъ ранъ *), впрочемъ, раны эти при лѣченіи не упорны; онѣ очень скоро заживаютъ, даже и безъ медицинской помощи; если же и употребляютъ когда вспомогательныя, живительныя средства, такъ это единственно бычачье и баранье сало.

Рабочіе, занимающіеся выволочкою соли, обыкновенно берутъ одно цѣлое озеро, или участокъ, для выволочки артелью. Плата имъ за выволочку соли, т. е. за сборъ соли на озерѣ, вывозъ на берегъ и укладку въ бугры—бываетъ болѣею частью по одной копѣйкѣ съ пуда и очень рѣдко копѣйка съ четвертью. Сложенная на берегу соль въ правильную пирамиду, называемую бугромъ, закладывается землею вершка въ 3 или 4, для предохраненія отъ дождя и непогоды. Бугоръ, по засыпкѣ его землею, обмѣривается акцизнымъ чиновникомъ, и по количеству кубическаго содержанія, опредѣляется вѣсъ находящейся въ немъ соли. Затѣмъ, онъ номеруется въ порядкѣ бережнаго его нахожденія и записывается въ книги акцизнаго управленія; въ бугоръ складывается отъ 10, 12-15 т. пудовъ соли. Употребленіе соли въ Крыму безакцизное; остатки казенной соли продаются для мѣстнаго употребленія по пяти копѣекъ за пудъ; въ мелочной же продажѣ, соль имѣетъ цѣну отъ 6—8 к. за пудъ.

По выходѣ соли за черту полуострова, соль оплачивается акцизомъ въ 30 к. Самая важная застава для взиманія акциза за соль,—это перекопская (сухопутная). Перекопъ лежитъ при самомъ перешейкѣ, отдѣляющемъ крымскій полуостровъ отъ материка; на перешейкѣ, шириною около 15—20 саж., находятся два шлагбаума, а за шлагбаумами зданіе акцизнаго управленія, для взиманія акциза, за вывозимую соль (3 округъ таврическаго акцизнаго управленія).

Самыя лучшія и богатыя соляныя озера находятся въ Перекопскомъ уѣздѣ. Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ находится одно большое озеро, такъ называемое Сакское, лежащее въ 22 верстахъ отъ Евпаторіи, при деревнѣ Саки. Сакское озеро замѣчательно своими цѣлительными грязями. Одно въ Сакахъ неудобно: жить негдѣ и ѣсть нечего; впрочемъ, на полъ никто не оставался и съ голоду никто не умиралъ. Жилье въ Сакахъ ограничивается татарскими мазанками, а кушанье яйцами и молокомъ; близость Евпаторіи даетъ возможность пользоваться ея рынкомъ; для этого употребляютъ, обыкновенно, обратнаго ямщика (въ Сакахъ почтовая станція), который, свезя въ Евпаторію, на обратномъ пути, закупаетъ и хлѣбъ, и баранину, и зелень, и прочія принадлежности для кухни. Грязи Сакскаго озера выдѣливали самый упорный ревматизмъ; ихъ цѣлебное дѣйствіе извѣстно всему Новороссійскому краю. Не смотря на лишенія, съ которыми сопряжено житье въ Сакахъ, грязи озера каждый годъ посѣщаются многими больными.

Быть можетъ, современемъ, какая-нибудь предприимчивая личность устроитъ тамъ мало-мальски сносное помѣщеніе для больныхъ и тогда посѣщеніе цѣлительныхъ грязей озера значительно увеличится; но этого нужно ждать и ждать долго.

Трагическая смерть укротителя львовъ, Люкаса.

Трагическій конецъ почти всѣхъ лицъ, посвятившихъ себя опасному ремеслу укротителей звѣрей, какъ кажется, никогда не отобѣетъ охоты отъ попытокъ безнаказанно обращаться за панибрата съ животными, по природѣ своей не имѣющими ни малѣйшей наклонности ручнѣть.

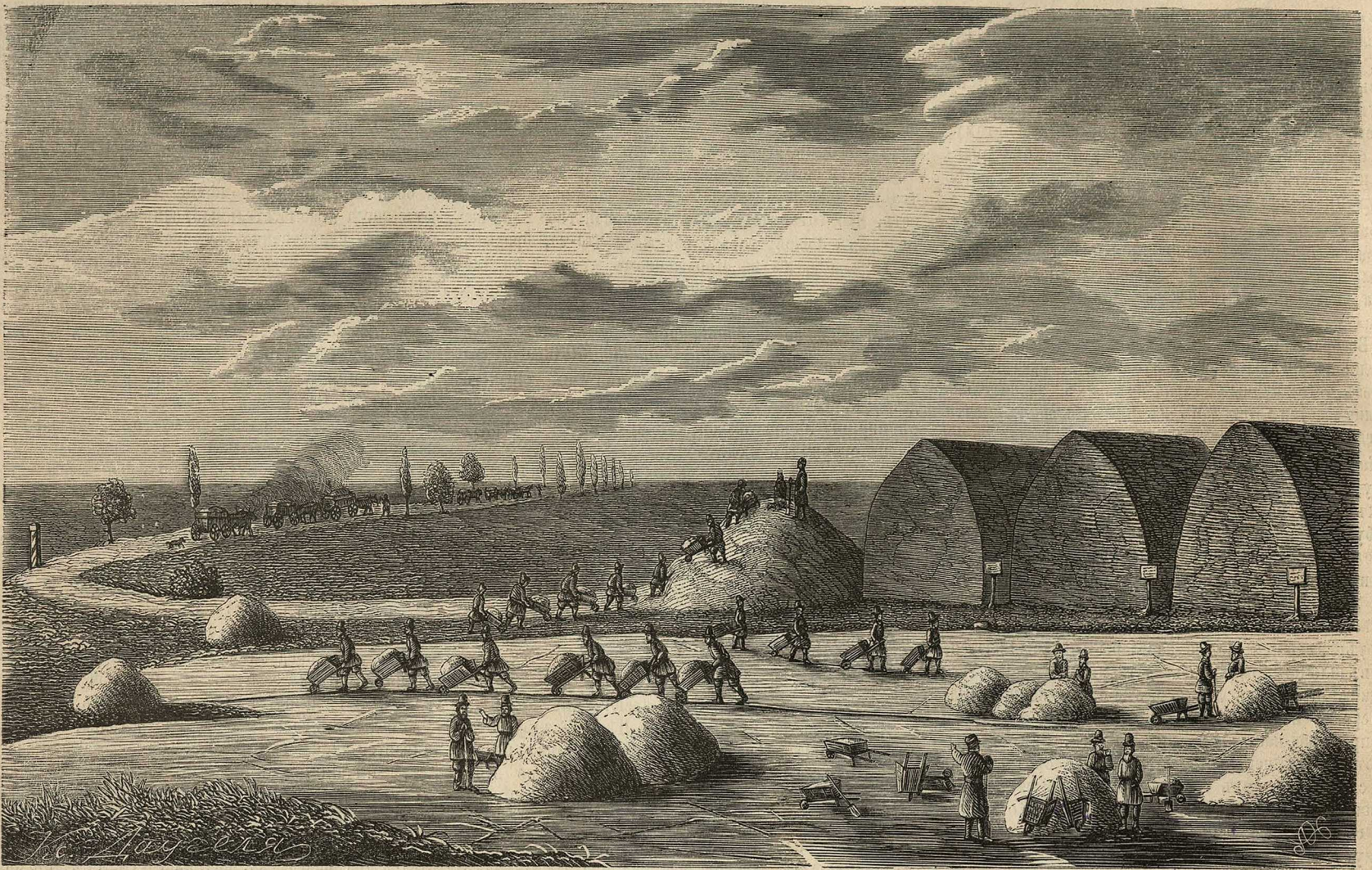
Во вторникъ, 6 (18) августа, извѣстный въ Парижѣ укротитель львовъ Люкасъ сдѣлался жертвою своей безумной отваги, передъ глазами многочисленной публики, собравшейся на представленіи въ гиподромѣ.

Ежедневно даваемая Люкасомъ представленія постоянно собирали въ садъ огромную толпу любителей сильныхъ ощущеній; его искусство и смѣлость обращенія со львами составили ему очень громкую извѣстность.

Въ упомянутый день, въ 4 часа по полудни, на арену, по обыкновенію, вкатили огромную клѣтку съ четырьмя львами. Всѣ четверо львовъ расхаживали въ клѣткѣ довольно покойно, не внушая ни малѣйшаго страха. Самъ Люкасъ замѣтилъ какъ бы добродушное настроеніе животныхъ, которыхъ, по его словамъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, выказывали довольно сильное безпокойство, свойственное хищнымъ, находящимся въ заключеніи. Въ послѣднее еще воскресенье, до названнаго выше числа, Люкасъ, въ началѣ второго представленія, сказалъ, что давать два представленія въ одинъ день нѣсколько трудно.

*) Никакая обувь не выдерживаетъ крѣпкой рапы озера болѣе сутокъ; сапоги раздѣдаются и разваливаются.

*) См. № 38 и выше «Всем. Илл.».

Пребываніе Царской фамиліи въ Крыму: Крымскіе виды и типы.

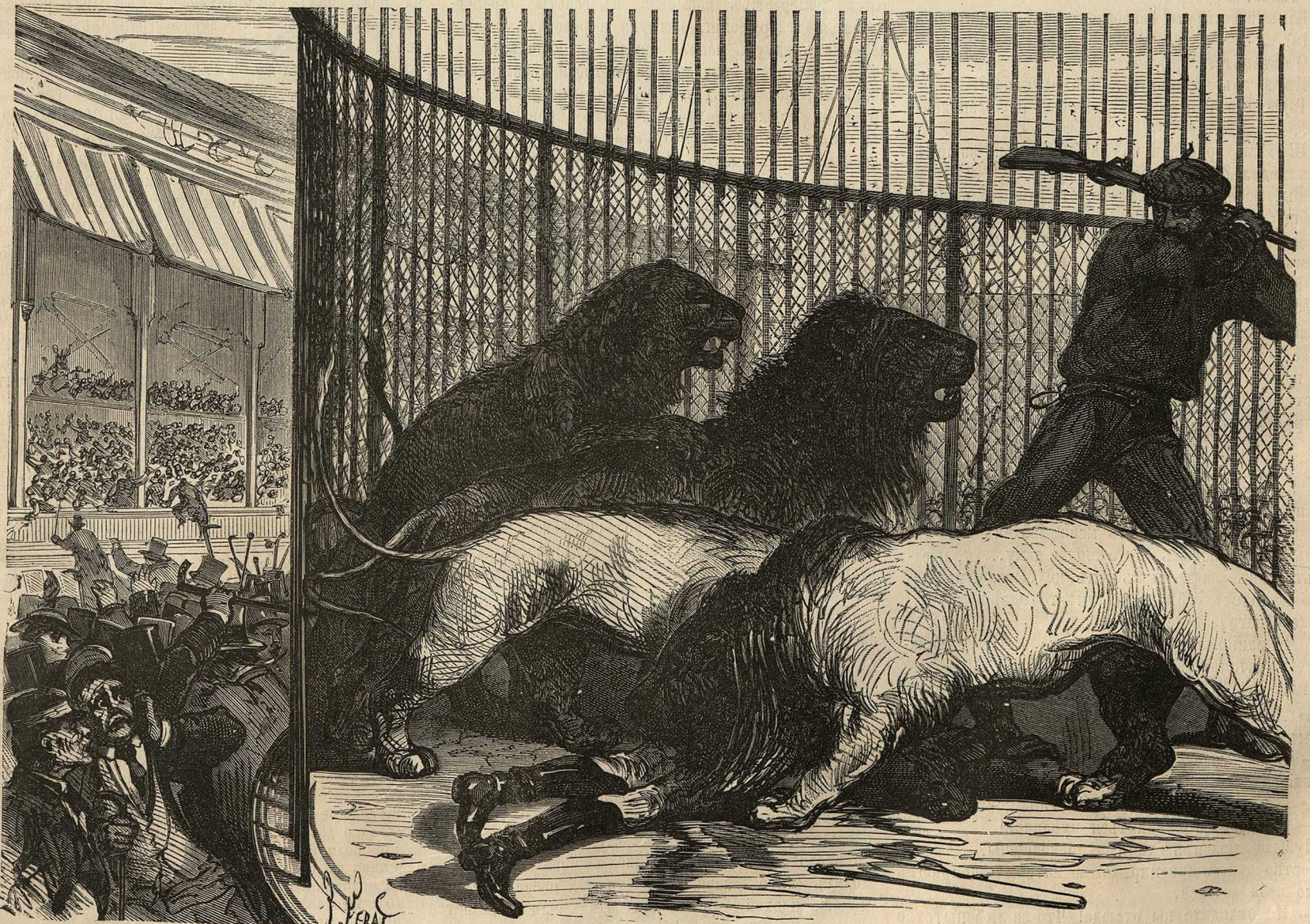
Быволочка соли изъ озера (Рисов. А. Нисченковъ; гравир. Даугель).

Укротитель вошелъ въ клітку и началъ свое обычное представленіе нѣсколькими ударами хлыста по улегшимся лвамъ. Животныя, успѣвшія уже задремать, поднялись на ноги и начали рычать; затѣмъ, когда Люкасъ вздумалъ заставить ихъ силою взгляда

снова лечь, одна львица внезапно бросилась на него и свалила съ ногъ.

Единогласный крикъ ужаса вылетѣлъ у толпы зрителей; Люкасъ хотѣлъ подняться, но въ это время самый большой левъ кинулся ему на грудь и лишилъ

его возможности двинуться съ мѣста. Оба животныя схватили несчастнаго за шею и за ляжку, и впустили въ него когти. Слуга Люкасы, никогда до того не входившій къ этимъ звѣрямъ, бросился на помощь хозяину, вскопчилъ въ клітку съ ружьемъ въ рукахъ и сталъ изо-

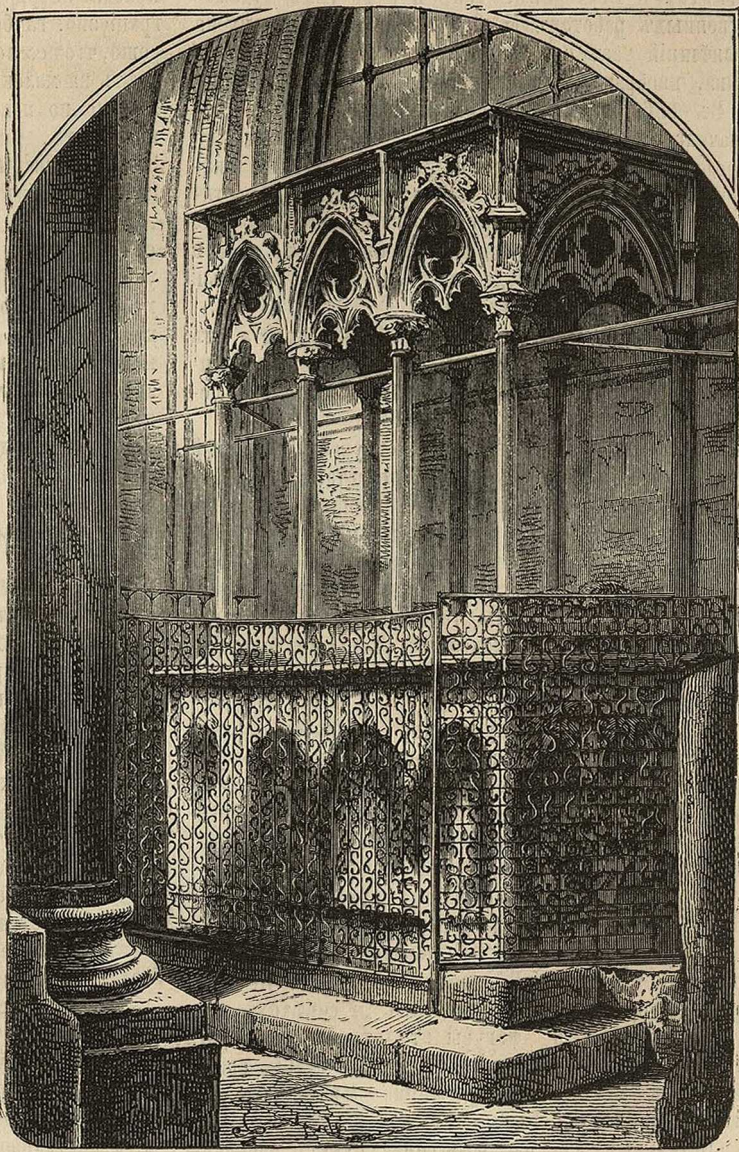
Паръ и жъ: Трагическая смерть укротителя лвовъ Люкасы.

всѣхъ силъ бить имъ львовъ. «Прочь, прочь закричалъ Люкасъ — пусть я умру одинъ!» Но слуга удвоилъ удары. Несчастный, вѣроятно, подвергся бы участи своего хозяина и былъ бы растерзанъ вмѣстѣ съ нимъ, если бы другая львица, совершенно слѣпая, не бросилась на эту кровавую группу и не разогнала напавшихъ на Люкаса львовъ.

Тогда подоспѣвшіе слуги вытаскивали безчувственного и окровавленного Люкаса изъ клѣтки. Слуга его вышелъ изъ клѣтки совершенно невредимый. Этотъ храбрецъ, по имени Пепе, родомъ испанецъ; до поступления въ услуженіе къ Люкасу, онъ находился при мадридскомъ циркѣ Рювеса.

Послѣ подавляющей медицинской помощи, Люкаса отнесли къ кузнецу Муру, на дочери котораго онъ женился нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Археологія: Казиміръ, король польскій. Съ рельефа надгробнаго памятника въ краковскомъ кафедральномъ соборѣ.

Археологія: Гробница короля Казиміра, въ краковскомъ соборѣ, работы Фейта Штосса.

Призванные въ тотъ же день медики нашли на тѣлѣ Люкаса двадцать пять ранъ, изъ которыхъ три были очень опасны. Одна изъ этихъ трехъ ранъ была на правой щекѣ, другая, имѣвшая четыре сантиметра глубины и величиною съ пяти франковую серебряную монету, на лѣвой рукѣ, а третья, самая опасная — на ляжкѣ. Остальныя двадцать двѣ раны были разсѣяны по всему тѣлу. Очевидно, что при такомъ количествѣ ранъ оставалось мало надежды на выздоровленіе больного и онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ 11 (23) августа, оставивъ послѣ себя вдову и нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Археологія: Клейноды, найденные въ гробу польскаго короля Казиміра: 1) корона съ двумя выпавшими изъ нея камнями; 2) скипетръ съ четырьмя отвалившимися отъ него кусками; 3) держава; 4) шпору; 5) кольцо; 6) серебряныя пуговицы.

шина Памятникъ будетъ поставленъ въ скверѣ, у Александринскаго театра.

Памятникъ Екатеринѣ есть въ то же время памятникъ ея великому царствованію, замѣчательному пробужденію народнаго духа въ области политики, науки, искусствъ. Вотъ почему, у подножія матушки-императрицы художникъ помѣстилъ группы ея сподвижниковъ. Центръ всѣхъ группъ составляетъ «великолѣпный князь Тавриды»; по бокамъ его находятся Суворовъ и Румянцовъ. Вторую группу составляютъ Бецкій и Безбородко; третью Державинъ и Дашкова. Изъ приложеннаго рисунка читатели могутъ получить понятіе о памятникѣ. Мы будемъ имѣть еще случай говорить, какъ о

Памятникъ Екатеринѣ Великой.

Читателямъ извѣстно, что скоро Петербургъ украсится новымъ памятникомъ, именно Императрицѣ Екатеринѣ Великой, работы М. О. Микѣши-

памятникъ Екатерины, такъ и о другихъ художественныхъ работахъ М. О. Микѣшина, а потому на нынѣшній разъ ограничимся только исторіей памятника, изображеннаго на нашемъ рисункѣ.

Въ 1861 г., императорская академія наукъ назначила, по высочайшему повелѣнію, конкурсъ на представленіе проэкта памятника императрицѣ Екатерины Великой. Памятникъ предполагалось поставить на большомъ дворѣ царскосельскаго дворца. Было представлено около восьми проэкттовъ; преміи удостоился проэктъ художника Микѣшина, который и былъ высочайше утвержденъ.

Въ 1862 г. модель памятника была отлита изъ бронзы на заводѣ Шопена и отправлена на лондонскую всемірную выставку, гдѣ была удостоена медали за исполненіе.

Въ 1865 г., тогдашній с.-петербургскій военный г.-губернаторъ, кн. Суворовъ, представилъ Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе здѣшней городской думы, чтобы памятникъ императрицѣ Екатерины Великой былъ поставленъ не въ Царскомъ Селѣ, а въ Петербургѣ, именно въ скверѣ Александринскаго театра. На таковое прошеніе послѣдовало высочайшее соизволеніе. Тогда же было рѣшено прибавить на памятникъ фигуры Бецкаго и Безбородко.

Вслѣдствіе этого художнику пришлось сдѣлать коренныя измѣненія въ первоначальномъ проэктѣ. Второй проэктъ удостоился высочайшаго утвержденія. Модель, вылѣпленная по этому второму проэктѣ, была приобрѣтена для царскосельскаго дворца, гдѣ теперь и находится.

Въ 1866 г., въ сентябрѣ, приступлено было къ лѣпкѣ колоссальныхъ фигуръ для памятника. Изъ нихъ окончены фигуры Императрицы, кн. Дашковой, Державина, Румянцева и Потемкина. По одобреніи Государемъ Императоромъ и совѣтомъ академіи художествъ, фигуры эти отлиты изъ гипса и находятся въ настоящее время въ зданіи академіи, въ мастерской художника Микѣшина, гдѣ желающіе могутъ видѣть ихъ.

Остальныя фигуры памятника будутъ окончены въ 1870 году. Кромѣ фигуръ, памятникъ будетъ украшенъ барельефами въ медальонахъ, съ профилями нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностей царствованія Екатерины Великой. Первоначально художникъ желалъ помѣстить барельефы барона Черкасова, Новикова, Кулибина, митрополита Платона и другихъ. Окончательно рѣшено сдѣлать барельефы гр. Орлова-Чесменскаго и адмирала Чичагова.

Покуда еще не рѣшено, на какомъ изъ петербургскихъ заводовъ будетъ произведена отливка изъ бронзы памятника Екатерины. Въ министерствѣ путей сообщенія будутъ произведены торги между желающими принять на себя сказанную работу заводчиками. Было-бы желательно, чтобы художественность исполненія не была поставлена въ зависимость отъ экономическихъ расчѣтовъ.

Академикъ М. А. Зичи. *)

(Окончаніе).

Въ отправленіяхъ нравственной природы человека, собственно говоря, нѣтъ прошедшаго. Любовь, ненависть, злоба и пр. все это существовало и будетъ существовать. Если Зичи изображаетъ намъ въ «Монахахъ» задумчиваго юношу, пришедшаго въ монастырь и уже одѣвшаго рясу, съ глубокимъ желаніемъ покоя и удаленія отъ міра сего; если, этого юношу художникъ ставитъ передъ зрителями подъ готическими сводами церкви, подлѣ хора, въ креслахъ котораго возсѣдаютъ обрюзглые католическіе монахи, — жирные, лоснящіеся, спящіе во время богослуженія, — сопостовленіе это говоритъ само за себя и понятно всѣмъ и каждому. Если Зичи ведетъ насъ на кладбище и заставляетъ присутствовать при «ограбленіи могилъ», черною ночью, своєю какими-то отверженныхъ Богомъ людей, одѣтыхъ въ фантастическій костюмъ, который дырками и заплатами, висающими лохмотьями и сомнительными красками относится ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ народамъ, — мысль опять таки говорить сама за себя и не требуетъ объясненія. Если Зичи приводитъ насъ къ «ростовнику», въ «кабакъ», въ «фламандскую пивную», они равно краснорѣчивы. Онъ умѣетъ провести свою мысль сквозь игольное ушко самого невиннаго, невзрачнаго эффекта и показываетъ, сквозь это ушко, въ двухъ-трехъ лицахъ, цѣлую поэму, цѣлый фактъ жизни.

Краски вибрируютъ подъ рукою его такъ умѣстно и граціозно, глубокая мысль выражена такъ наивно хорошо, что весело становится за художника; весело смѣяться на маленькую акварель его, и думать съ нимъ заодно по направленію, указанному имъ. Къ числу подобныхъ, въ высшей степени удачныхъ работъ Зичи, относимъ мы рисунокъ, копію съ котораго представили въ № 34 читателю. Это «Сообщеніе секрета». Толстый обрюзглый капуцинъ, сидя у стола, смѣется тому секрету, который сообщаетъ ему на ухо, нагнувшись черезъ столъ, его собесѣдникъ, молодой и здоровый парень, должно быть рейткнехтъ какого-нибудь барона, или графа. На заднемъ планѣ видна третья фигура, поставленная здѣсь исключительно для пополненія мѣста. Содержаніе секрета сразу, мгновенно становится понятно всѣмъ и каждому: это какая-нибудь эротически-грязная исторія, какой-нибудь амурно-циническій скандалчикъ, что перейдя путемъ слуха въ мозгъ капуцина, подергиваетъ такимъ судорожнымъ смѣхомъ все его существо, до желудка, до пальцевъ ногъ включительно. Это сопоставленіе двухъ противоположныхъ элементовъ, святаго платья капуцинскаго монаха, съ его жирною фигурою и скандальнымъ секретомъ; это трепетанье тѣла его, назначеннаго къ посту и молитвѣ, это искусное и эстетически вѣрное скрытіе отъ зрителя лица рейткнехта, — до такой степени удачны и безукоризненны, что за художникомъ, написавшимъ подобную вещь, нельзя не признать самаго крупнаго, самобытнаго таланта, и таковой признали мы за Зичи.

Характерныя сцены, въ средневѣковой обстановкѣ — вотъ самая сильная сторона его. Но Зичи не довольствуется этимъ. Самое перечисленіе сюжетовъ его вещей (Закалываніе гроба, Спасительная лодка, Ограбленіе могилы, Кошмаръ и пр.) указываетъ на присутствіе въ немъ драматической жилки. Зичи смотритъ на жизнь широко и разносторонне. Онъ гуляетъ по всѣмъ проявленіямъ ея отъ лирическаго до смѣшнаго, онъ бросается изъ стороны въ сторону и этимъ сильно вредитъ себѣ. Его настоящая сфера дѣятельности не изображеніе крайностей, а изображеніе обиходныхъ, среднихъ ощущеній. Вещи исторически-созерцательнаго содержанія не удаются ему (Іудей мученики, Мадона, Вертеръ). Неудачны и его иллюстраціи (къ Демону, исключая одной «Тамары», къ Донъ-Жуану), нехороши его вещи, въ которыхъ видное мѣсто занимаетъ пейзажъ (фонтанъ въ Царскомъ селѣ, скрипизъ, обманъ, Бѣловежская пуща). Въ вещахъ послѣдняго рода, въ пейзажахъ, особенно неприятно замѣчается отсутствіе чувства перспективъ, какъ линейной, такъ и воздушной. Зичи положительно не любитъ воздуха и не умѣетъ изображать его. Но тамъ, гдѣ онъ беретъ часть характерную, бытовую сцену, гдѣ онъ заключаетъ ее въ узкую рамку комнаты, гдѣ онъ индивидуализируетъ извѣстное положеніе, тамъ, между акварелистами, онъ не имѣетъ соперниковъ. Даже самыя безсодержательныя вещи (напр. Арабъ, Невольница, Венеціанскій пажъ и др.) выходятъ очень хорошими и достойными того, чтобы служить образцами нашимъ молодымъ художникамъ. Очень недурны также работы Зичи, имѣющія предметомъ изображеніе легкихъ, фантастическихъ, смѣющихся, женственныхъ, сюжетовъ (4 вѣра, особенно «Приближеніе зимы», проэктъ театральнаго занавѣси для Аничкина дворца). Но настоящее, полное развитіе свое получаетъ Зичи только въ чисто бытовыхъ характерныхъ сценахъ, подобныхъ «Секрету». Ихъ долженъ онъ держаться, если не исключительно, то возможно болѣе. Этими сценами, равно какъ и техникою, будетъ онъ жить въ исторіи акварельной живописи, остальное останется мертвою буквою, и не переживетъ своего творца.

Вотъ тотъ выводъ, къ которому мы пришли. Читатель видитъ, что мы, на сколько сумѣли, старались остаться вѣрными правдѣ. Мы сказали художнику нѣсколько истинъ, но мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи сказать ему и нѣсколько пріятныхъ словъ. Можетъ быть мы ошибаемся, но мы остались правдивы, и не солгали ни передъ собою, ни передъ публикою, ни передъ художникомъ. Мы-бы могли говорить о Зичи подробнѣе, мы-бы хотѣли провести паралели между нимъ и между другими живописцами (напр. Мессонье), но это повело бы насъ слишкомъ далеко, и мы отлагаемъ ихъ до другаго, удобнаго случая. Фотографіи съ работъ Зичи можно получать у издателя этихъ работъ художника фотографа Рейнгарда, на В. О. въ 8 линіи, домъ № 27.

С.

Островъ св. Елены *)

(Продолженіе).

По обѣ стороны города поднимаются горныя хребты съ проведенными къ нимъ дорогами. Эти дороги, идущія внутрь небольшого острова, расположены зигзагами; иначе невозможно было бы взобраться на горы, которыя чуть не отвѣсно падаютъ къ городу и сжимаютъ его въ своихъ каменныхъ стѣнахъ. Возвратясь въ гостиницу, я нашолъ заказанный экипажъ у крыльца; мальчишка негръ постарался за общанный шиллингъ и съскакалъ лучшую пару лошадей съ молодымъ кучеромъ. Коляска была собственно двухмѣстная, но такъ какъ кучеръ садится здѣсь на одну изъ лошадей, то козлы можно было занять еще двумя сѣдоками. Я прискакалъ партію и въ числѣ четырехъ человекъ мы двинулись по городу. Скоро повернули мы въ первый попавшійся переулокъ и стали подниматься по горѣ, съ правой стороны города. Другіе отправились по лѣвой, по которой ближе до Лонгвуда, но я слышалъ ранѣе о прелестяхъ выбранной мною дороги и потому приказалъ кучеру везти насъ по ней. Дорога оказалась великолѣпною, но втрое длиннѣе той, по которой отправилась наша остальная публика и по которой я рассчитывалъ вернуться назадъ. Тропинки, проложенныя въ горахъ, не широки: на нихъ едва могутъ развѣхаться два экипажа. Наружный край ихъ обставленъ каменною стѣнкой, — безъ такой предосторожности было бы огромнымъ рискомъ подыматься по нимъ на высоту 4000 футовъ. Вскорѣ мы поднялись на столько, что городъ глянулъ на насъ своими крышами, своими грязными двориками со всѣми подробностями бѣдной жизни. На дворикахъ валялись въ грязи черныя, грязные ребята; бродили женщины въ крайнемъ неглиже, кто, развѣшивая для просушки домашнее тряпье, кто, роясь въ грязи, кто, приготовляя около печки, сдѣланной подъ открытымъ небомъ, скудный обѣдъ, состоящій здѣсь у бѣднаго населенія изъ одной только рыбы, съ примѣсью какихъ-то бобовъ. Вездѣ черныя, особенно работницы, или въ конецъ разорившееся бѣлое семейство, обитающее въ городскихъ закоулкахъ, которые намъ были отлично видны à vol d'oiseau. Между тѣмъ дорога постепенно поднималась въ гору. Мы достигли, наконецъ, вершины, подвѣхали къ какимъ-то старымъ казармамъ съ телеграфнымъ шестомъ, на которомъ дѣлаютъ сигналы флагами. Отсюда открылся величественный видъ на океанъ. Нашъ фрегатъ казался маленькимъ тендеромъ, другія суда, стоявшія на рейдѣ, еще меньше, а шлюпки, находившіяся вблизи пристани, казались какими-то букашками. Океанъ необъятною полоскою разстилался передъ нашими глазами и пропадалъ въ легкомъ туманѣ, покрывавшемъ его ширь. Пасать, этотъ постоянно дующій здѣсь вѣтеръ, немного ослабѣлъ; островъ, вдобавокъ, значительно загородилъ ему путь и океанъ лежалъ неподвижный, застывшій. Туманъ придавалъ ему бѣлый, прозрачный цвѣтъ и глазъ принялъ бы и океанъ и небо за одну сплошную массу. Линія, отдѣляющая горизонтъ, ступевалась и цвѣтъ неба, задернутаго легкими, сплошными облаками, гармонировалъ какъ нельзя лучше съ бѣлизною океана. Скоро мы повернули внутрь острова и проѣхавъ немного по вершинѣ хребта, поросшаго кое гдѣ кустами кактусовъ, спустились въ долину, потомъ снова поднялись на вершину хребта и такъ, то поднимаясь, то спускаясь, ѣхали верстъ двадцать до Наполеонова дома. Кое гдѣ по дорогѣ были построены жалкія лачужки изъ камня, огороженныя кустами, а иногда и цѣлой рощей тощихъ деревьевъ. Часа чрезъ три утомительной и трудной для лошадей ѣзды, мы добрались до трактира; это уже было не далеко отъ Лонгвуда. Тутъ мы заказали завтракъ и отправились къ цѣли нашей поѣздки. Всего оставалось версты четыре ровной дороги, обсаженной деревьями и кустарниками. Лошади ѣхали дружно, скоро; молодой мулатъ подпрыгивалъ въ сѣдлѣ и поминутно весело оглядывался на насъ: «скоро-де, скоро доѣдемъ!» Чрезъ небольшія рощицы выѣхали мы на ровную площадь; она возвышалась надъ океаномъ и была, кажется, выше остальныхъ вершинъ, по которымъ мы проѣхали; съ нея открывался свободный видъ на океанъ. Это мѣсто было Лонгвудъ. На краю площади стоялъ длинный одноэтажный домъ, расположенный крестомъ. Влѣво отъ него немного поодаль, стоялъ еще такой же домъ, окруженный пристройками. Первый былъ но-

*) См. «Всем. Илл.» № 38. и пр.

*) См. «Всем. Илл.» № 37.

вое жилище Наполеона, второй—старое. Около нового дома, как его называют англичане, разсажены каумы цвѣтовъ, одно изъ развлеченій бывшаго изгнанника. Надъ домомъ развивался трехцвѣтный французскій флагъ. Дверь рѣшотки, окружающа садикъ, отворилъ какой то оборванный старикъ. Взглянувъ на старика въ изодранной красной курткѣ и круглой, до нельзя избитой и измятой шляпѣ, я было подумалъ, что ужъ не остатокъ ли это старой наполеоновской гвардіи. Но онъ разсѣялъ мою догадку, заговоривъ по английски о своей бѣдности, при чемъ на дряхломъ, старческомъ лицѣ появилась жалкая гримаса. Я далъ ему шиллингъ, и онъ нѣсколько разъ проговорилъ съ чувствомъ: «thank you, sir». Тутъ подбѣжала дѣвочка, лѣтъ четырнадцати, смугленькая, съ живыми, черными глазами, бѣдно одѣтая, босая; въ рукахъ у ней было два букета изъ цвѣтовъ наполеонова садика. Она подошла весело ко мнѣ и вдругъ смѣшавшись, молча сунула мнѣ въ руку букетъ. Я отблагодарилъ ее серебрянкой монетой. Дѣвушка взяла ее и, взглянувъ снова весело въ глаза, спросила: «размѣнять?»,—ей показалось много. — «О, нѣтъ, берите все», отвѣтилъ я. Она звонко проговорила: «благодарю васъ», и припрыгивая пустилась бѣжать отъ меня. На крыльцѣ дома стоялъ французскій отставной сержантъ и встрѣтилъ насъ какъ хозяинъ. Мы пошли по пустымъ комнатамъ. Онъ былъ чрезвычайно простой одѣлки; обои покрывали стѣны, и, вѣроятно, новыя, послѣ бывшей здѣсь неурядицы; домъ былъ сперва заброшенъ, но обои были по возможности похожи на тѣ, которые украшали комнаты императора. Каждая комната имѣла свое назначеніе, объ этомъ гласили билеты, прибитые на стѣнкахъ; это же, монотонно, заспаннымъ голосомъ, повторялъ намъ сержантъ. Въ одной изъ комнатъ стоялъ бюстъ Наполеона; онъ былъ огороженъ деревянной оградкой. Сержантъ сказалъ, что Наполеонъ на этомъ мѣстѣ упалъ впервые, когда случился съ нимъ ударъ. Библиотека, гдѣ онъ любилъ разговаривать и заниматься, была въ срединѣ дома, съ золотистыми обоями, съ широкимъ каминомъ. Изъ вещей стояла въ углу одной комнаты убогая конторка, принадлежавшая нѣкогда императору. Здѣсь же лежала на столѣ толстая книга, и мы вписали въ нее свои имена. Черезъ заднія комнаты, пустыя и печальныя, вышли мы на маленький дворикъ, плотно укатанный пескомъ; на немъ торчало нѣсколько деревьевъ, окружающихъ маленький прудъ, въ которомъ Наполеонъ любилъ ловить пущенную туда рыбу; прудъ былъ искусственный. Онъ былъ похожъ на часть кольца и наполненъ грязною водою. Прошедши еще разъ по комнатамъ, мы вышли вновь, попрощались съ сержантомъ и отправились обратно. Въ трактирѣ позавтракали и поѣхали далѣе на бывшую могилу императора. Пусто и одиноко это мѣсто. Узкое ущелье въ горахъ хранило драгоценныя для одной только Франціи остатки. Тутъ лежалъ Наполеонъ около семи лѣтъ, до времени перевозки его тѣла во Францію на кораблѣ «La Forte». Большой, бѣлый камень, безъ всякой надписи, окруженный невысокою чугунною оградкою, вотъ все, что осталось въ память пребыванія тутъ праха честолюбиваго полководца. Большой кленъ, нѣсколько тополей, окружающихъ старую могилу, да солдаты французской гвардіи, живущіе тутъ сторожемъ, указываютъ рѣдкимъ туристамъ покинутую могилу. Я хотѣлъ было сорвать листовъ съ кустарника, поросшаго по краямъ могильнаго камня, но сержантъ не позволилъ мнѣ этого. Мой пріятель сунулъ ему въ руку монету и сержантъ собственноручно сорвалъ нѣсколько листовъ и подалъ намъ съ великимъ наружнымъ благоговѣніемъ. Невдалекѣ стояла будка, а въ ней опять толстая книга для росписи заѣзжихъ путешественниковъ. Нечего дѣлать, по просьбѣ сержанта мы снова расписались и направились другой дорогой въ городъ.

(Окончаніе будетъ.)

НОВОСТИ НАУКЪ И ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Археологія.

Найденные въ Краковѣ останки короля польскаго, Казимира Великаго.

Последній изъ династіи Пястовъ, Казимиръ Великій былъ самымъ популярнымъ и самымъ уважаемымъ изъ королей польскихъ. Отецеская заботливость, съ которою онъ старался улучшить положеніе угнетенныхъ классовъ, доставила ему почетное прозвище «короля холоповъ».

Въ краковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ числѣ прочихъ надгробныхъ памятниковъ польскихъ коро-

лей и героев, находится великолѣпный монументъ надъ могилою короля Казимира Великаго, работы знаменитаго въ свое время нюрнбергскаго мастера Фейта Штоса, умершаго въ 1542 году. Памятникъ этотъ пострадалъ отъ времени, а потому предположено было его исправить. При изслѣдованіи памятника, предпринятомъ съ этою цѣлью 2 (14) іюня нынѣшняго года Павломъ Попелемъ, консерваторомъ памятниковъ,—съ восточной стороны памятника выпало нѣсколько камней, вслѣдствіе чего въ памятникѣ открылась пустота. Въ открывшейся такимъ образомъ полости были усмотрѣны останки короля, обложенные въ толстую шелковую ткань и украшенные короною и скипетромъ. Консерваторъ тотчасъ же сообщилъ о своемъ открытіи въ краковскій соборный капитулъ и комитетъ, избранный тамошними ученымъ обществомъ, для возобновленія памятника Казимиру Великому. Извѣстіе объ этомъ открытіи быстро разнеслось по городу и возбудило живѣйшій интересъ во всемъ населеніи. Рѣшено было тщательно собрать останки Казимира, лежавшіе въ беспорядкѣ на днѣ могилы, переложить ихъ въ металлическій гробъ, который бы защитилъ ихъ отъ окончательнаго разрушенія и затѣмъ похоронить на томъ же самомъ мѣстѣ. 9 (21) іюня передъ памятникомъ Казимира собрался весь соборный капитулъ и члены упомянутого комитета, докторъ Майеръ, президентъ ученаго общества, нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ, графъ Замоискій, Тарновскій, Мошинскій, Дембицкій, депутаты,—докторъ Зыбликевичъ, Хжановскій и Шуйскій; кромѣ того въ соборъ стеклась огромная толпа народа. Съ большою торжественностью останки короля были вынуты изъ могилы, послѣ того, какъ профессоръ Янъ Матейко срисовалъ внутренность памятника.

Кромѣ различныхъ частей скелета короля, за исключеніемъ 60 ненайденныхъ костей, были вынуты изъ могилы слѣдующіе предметы: 1) мѣдная, сильно вызолоченная, пятизубчатая корона, украшенная богемскими не окрашенными камнями, изъ которыхъ нѣкоторые выпали изъ оправы; 2) Верхняя часть серебрянаго вызолоченнаго скипетра, имѣющая до 14 дюймовъ въ длину; на концѣ этой части скипетра находится шаръ, окруженный листьями, изъ которыхъ нѣкоторые обломались. 3) Держава изъ вызолоченнаго серебра, съ крестомъ наверху. 4) Двѣ большія шпоры съ пряжками и ремнями, служившими для ихъ прикрѣпленія. 5) Золотое кольцо съ аметистомъ. 6) Часть серебряныхъ пуговицъ отъ одежды, которая была надета на покойномъ. Все эти предметы, имѣющіе большой, археологическій интересъ были срисованы профессоромъ Матейко; мы прилагаемъ ихъ изображенія, также какъ и изображеніе памятника Казимира и рисунокъ рельефнаго изображенія головы короля, находящагося на памятникѣ.

26 іюня (8 іюля) происходило торжественное погребеніе останковъ Казимира Великаго, положенныхъ до этого времени на храненіе въ соборную ризницу. 25 іюня (7 іюля) останки короля были положены въ новый мѣдный гробъ. Утромъ, въ день погребенія, огромныя толпы народа наполняли собою улицы изукрашенные траурными знаменами и флагами города; все населеніе, какъ мужчины, такъ и женщины были въ траурѣ. Подъ жалобный звонъ стараго колокола Зигмунда, печальная процессія двинулась отъ церкви св. Маріи къ Вавелю, къ соборнымъ вратамъ. По входѣ въ соборъ гробъ былъ обнесенъ съ торжественностью вокругъ церкви, затѣмъ поставленъ на высокой катафалкѣ и, по окончаніи богослуженія, преданъ землѣ.

Статистика.

Въ Китаѣ, по словамъ одного американскаго миссіонера, находится 500,000 храмовъ, заключающихъ въ себѣ до 3.000,000 идоловъ. Стоимость этихъ храмовъ доходить до 1,000,000,000 долларовъ.

Желѣзныя дороги и прочіе пути сообщенія.

Въ теченіи марта мѣсяца, по словамъ американской газеты «North and Home», издаваемой господою Бичер-Стоу, прибылъ желѣзной дороги Тихаго океана равнялась 175,000 долларовъ; въ апрѣлѣ прибылъ уже достигла суммы 340,000 долларовъ. Полагали, что въ августѣ мѣсяцѣ прибылъ дойдетъ до 1.000,000 долларовъ.

— Въ настоящее время, английскіе инженеры обратили свое вниманіе на подводные тунели. Едва появились проектъ тунеля между Дувромъ и Кале, какъ уже составленъ новый проектъ соединенія Шотландіи съ Ирландіею, при помощи тунеля. Тунель этотъ предполагается устроить отъ сѣвернаго берега Ирландіи изъ Антрима до Гинкрота, въ Шотландіи. Разсчитано что длина тунеля будетъ равняться 137/8 английскихъ миль и что работы, стоимость которыхъ должна простираться до 3.000,000 фунтовъ стерлинговъ, будутъ окончены не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ.

— Работы по прорытію Суэзскаго канала, несмотря на всѣ старанія, не будутъ окончены ранѣе 5 (17) ноября, вслѣдствіе затрудненія, представляемаго скалистыми грунтомъ близъ Кантары и Гиска. Открытіе канала послѣдуетъ только для виду, плаваніе же судовъ по немъ будетъ возможно не ранѣе будущаго года.

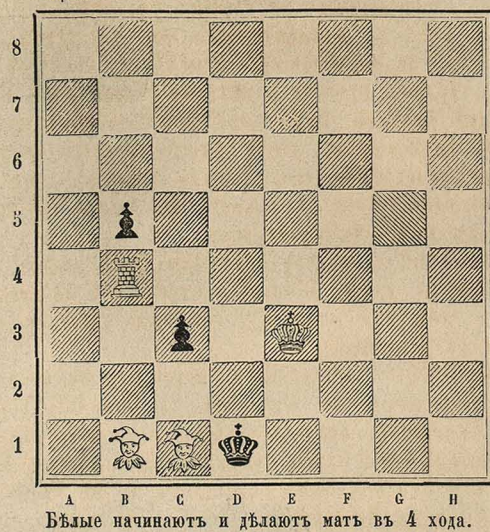
Музыка

— Большой барабанъ, построенный для знаменитаго бостонскаго музыкальнаго праздника, былъ въ три фута вышины, при диаметрѣ въ восемь футовъ. Два огромные быка заплатились своею жизнью для устройства этого барабана. На каждой сторонѣ барабана была сдѣлана надпись, въ которой проглядывала довольно ясная иронія: «Let us have peace» (да будетъ миръ, т. е. тишина). Американская газета «Advertiser», передавая это извѣстіе, говоритъ, что для игры на этомъ барабанѣ, въ Бостонѣ былъ приглашенъ знаменитый ирландскій великанъ, О'Балдуинъ.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 30.

Г. Мертенса.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 4 хода.

Партія № 13.

Гамбитъ Муціо.

И Колишъ		Беланъ	
Бѣлые.	Черные.	Бѣлые.	Черные.
1. e2—e4	1. e7—e5		
2. f2—f4	2. e5—f4:		
3. Кн. g1—f3	3. g7—g5		
4. С. f1—c4	4. g5—g4		
5. 0—0	5. g4—f3:		
6. Ф. d1—f3:	6. Ф. d8—f6		
7. e4—e5	7. Ф. f6—e5:		
8. d2—d3	8. С. f8—h6		
9. С. c1—d2	9. Кн. g8—e7		
10. С. d2—c3	10. Ф. e5—c5+		
11. Кр. g1—h1	11. 0—0		
12. Кн. h1—d2	12. d7—d5		
13. Л. a1—e1	13. Кн. h8—c6		
14. b2—b4	14. Кн. c6—b4:		
15. Ф. f3—h5	15. Кн. e7—f5		
16. Л. f1—f4:	16. d5—d4		
17. Л. f4—g4+	17. С. h6—g7		
18. С. c3—d4:	18. Кн. f5—g3+		
19. Л. g4—g3:	19. Ф. c5—d4:		

бѣлые дѣлаютъ матъ въ 3 хода:

20. Ф. h5—f7:	21. Ф. f7—f8:	22. Л. g3—g8+
Кр. g8—h8	С. g7—f8:	и матъ.

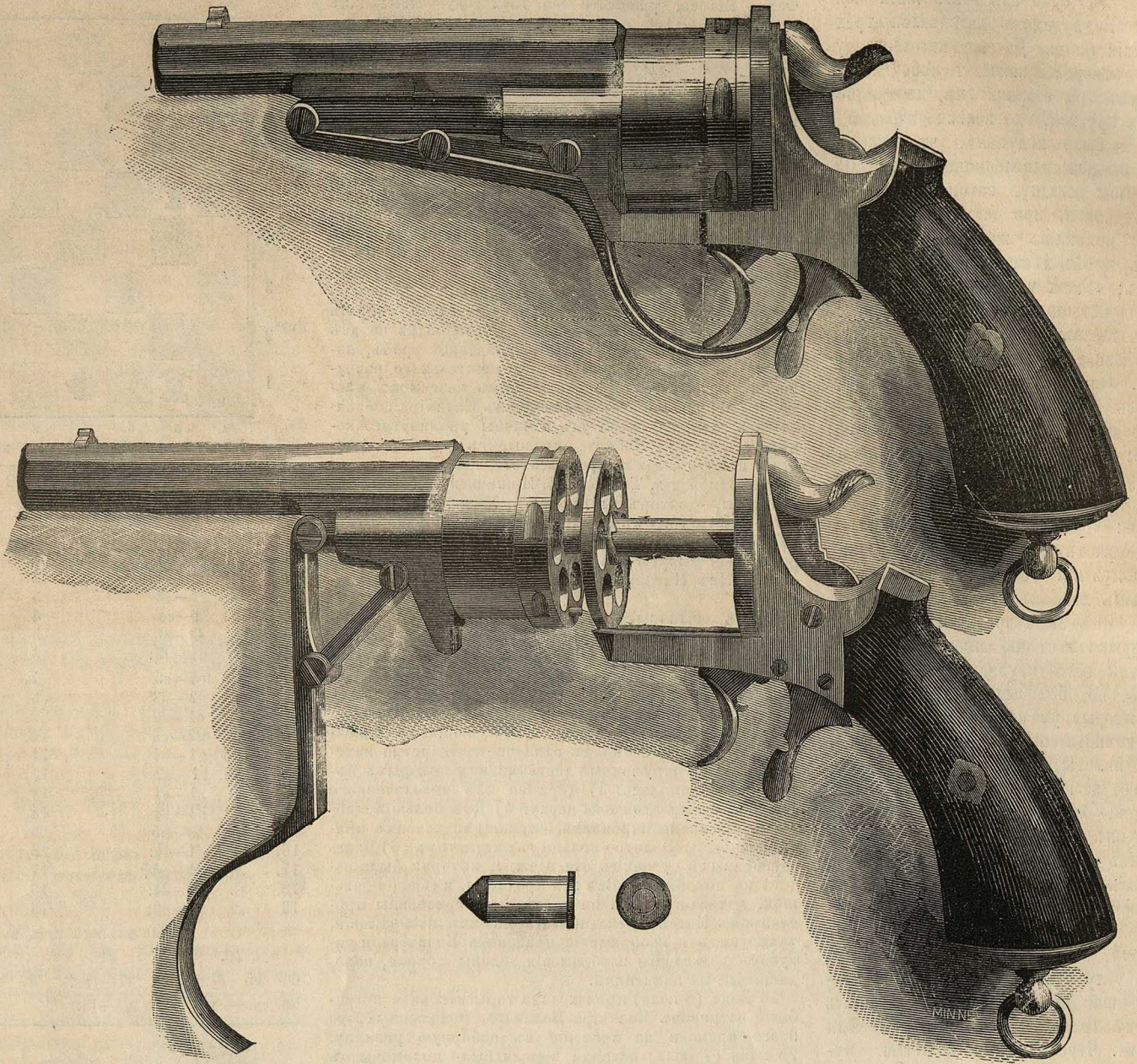
Почтовый Ящикъ.

Сланы въ контору редакціи для возвращенія авторамъ слѣдующія сочиненія и переводы: 1) За штатомъ. 2) Бѣлое, разсказъ Станового; 3) Микель Анджело; 4) Живописецъ Полигитъ; 5) Живописецъ Апеллесъ; 6) Повесть Максима Дюкана, безъ обозначенія заглавія. Гг. авторы и переводчики приглашаются получить свои повѣсти до 15 октября, послѣ какаго срока рукописи будутъ уничтожены.

Г-жѣ Е. К.—тѣ, Ваши «Отрывки изъ дорожныхъ записокъ» носятъ слишкомъ личный характеръ, а потому не могутъ быть напечатаны.

Револьверъ Галанда.

Изобрѣтательный духъ новѣйшаго времени весь направленъ на усовершенствованіе изобрѣденныхъ снарядовъ. Послѣ олушествованій, произведенныхъ въ рядахъ австрійцевъ на поляхъ Богеміи, прусскими игольчатыми ружьями, вниманіе всего свѣта обратилось на это усовершенствованное оружіе и различными системами зарядовъ съ казенной части слѣдовали одна за другою. Въ последнее время, французскій оружейникъ Галандъ изобрѣлъ револьверъ, соответствующій самымъ строгимъ требованіямъ специалистовъ. Дальность выстрѣла изъ этого револьвера доходить до 200 метровъ. На разстояніи 100 метровъ, пуля еще входитъ на 8 сантиметровъ въ сосновое дерево. Вѣрность выстрѣла такова, что, во время производившихся опытовъ, всѣ пули послѣдовали въ мишень, имѣвшую 20 сантиметровъ въ діаметрѣ. Самое замѣчательное въ этомъ оружіи, легкость съ которою заряжается револьверъ и вынимаются разстрѣленные гильзы. Опыты показали, что можно зарядить всѣ шесть стволовъ револьвера четыре раза въ теченіи минуты, т. е. въ одну минуту сдѣлать 24 выстрѣла. Револьверъ этотъ былъ представленъ императору французскому и уже имѣется предложеніе снабдить такимъ оружіемъ многіе кавалерійскіе полки французской арміи, а также артилерію и корпусъ инженеровъ.

Револьверъ Галанда.

АПТЕКАРСКИЕ И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКИЕ ТОВАРЫ И. САБЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальнъ и кремы.
Пино. Духи Виолетъ де Пармъ.
Виоле. Мыло Тридасъ и проч. пред-
меты.
Общества врач. Париж. Порошокъ
зубной и прочіе предметы.
Гендри. Духи разные и мыло Винд-
зоръ.
Пелетье. Элексиръ и оданжъ для
зубовъ.
Велій. Эсъ буке.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ
для зубовъ.

Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Маріа Фарина. }
Ж. Ф. Фарина. } Одеколонъ.
К. М. Фарина. }
Ж. М. Фарина № 4. }
Ди-комора. Краска для волосъ Ме-
ланоженъ.
Желе. Краска для волосъ Нигритинъ.
Товарищества заводовъ Царскаго
мыла.
А. Ралле и Комп. (Комисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже
(комисіонеръ).

Подробные прейсъ-курранты, по требованію, посылаются немедленно
черезъ почту.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту
швейную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ,
благоволятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компа-
ніи Вилькокса и Гиббса, Ж. БЛОКУ, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту, въ
домъ князя Голицына.

Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауе младшаго и вы-
боръ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

ОСЕННЯЯ МОДА 1869 года.

МОДНЫЙ СВѢТЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

ВЫШЛИ №№ 1 по 39.

Журналъ «Модный Свѣтъ» выходитъ въ двухъ изданіяхъ, въ количествѣ 48
номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литератур-
ныхъ) и въ теченіи года заключаетъ въ себѣ: въ 24 модныхъ номерахъ до 1500
политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ тексть, 12 большихъ листовъ вы-
кроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ), 6 выкроекъ въ натуральную величину
и 24 (или 12 для перваго изданія) модныхъ, раскрашенныхъ парижскихъ картинъ,
исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ, а въ 24 литературныхъ но-
мерахъ новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анек-
доты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Годовая цѣна журнала «МОДНЫЙ СВѢТЪ»: I издан., т. е. съ 12 раскр. картинъ,
безъ доставки 4 руб., съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 руб., съ перес. 6 руб.

II изданію, т. е., съ 24 раскраш. картинъ, безъ доставки 5 руб., съ доставкою
6 руб., съ пересылкою 7 руб.

Съ 1-го іюня принимается подписка на ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ, т. е. съ 1-го іюня,
по 1-е декабря 1869 г.

Цѣна I изданію: безъ доставки 2 р. 50 к., съ достав. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Цѣна II изданію: безъ доставки 3 руб., съ достав. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Гг. желающихъ приобрести «МОДНЫЙ СВѢТЪ» за первое полугодіе 1869 года,
Редакція покорнѣйше проситъ выпискою поторопиться, такъ какъ осталось очень
мало экземпляровъ оного и тѣ, вѣроятно, будутъ распроданы въ очень скоромъ
времени.

Контора Редакціи находится въ Спб., на бол. Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Въ конторѣ книгопродавца-издателя ГЕРМАНА ГОНПЕ, въ С.-Петербургѣ, на большой
Садовой ул., въ д. Ильина, № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, продается:

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА МОСКВЫ,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и
въ которомъ участкѣ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Плана города Москвы.

12 листовъ печати. Цѣна 75 к.; съ перес. 1 р. с.